

Уильям Ширер

БЕРЛИНСКИЙ ДНЕВНИК

■
Европа
накануне Второй мировой войны
глазами американского
корреспондента

Уильям Ширер

**Берлинский дневник.
Европа накануне Второй
мировой войны глазами
американского корреспондента**

«Центрполиграф»

Ширер У. Л.

Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента / У. Л. Ширер — «Центрполиграф»,

Личный дневник, запечатлевший поворотный момент в жизни Европы XX века – канун Второй мировой войны, воспринимается сегодня как уникальный документ. Его страницы сохранили атмосферу предвоенной Германии, одурманенной реваншистскими настроениями, истерически обожавшей фюрера; на них подробно рассказано о планомерной милитаризации страны, о приемах работы гитлеровской пропагандистской машины, о мобилизации всех резервов нации ради тотальной войны за мировое господство. Среди упоминаемых лиц не только Адольф Гитлер и его ближайшие сподвижники Гесс, Геринг, Гиммлер, Лей, Риббентроп, но и лидеры мировых держав Рузвельт, Черчилль, Сталин, Франко, Муссолини, Петэн, Бенеш, де Голль и др., главы правящих королевских династий, министры, послы, высший генералитет. Автор приводит, кроме того, множество выразительных подробностей, собственных оригинальных наблюдений над немцами и жителями европейских государств.

Содержание

Предисловие	6
Часть I	8
Льорет-де-Мар, Испания, 11 января 1934 года	8
Париж, 7 февраля	10
Париж, 8 февраля	12
Париж, 12 февраля	13
Париж, 15 февраля	14
Париж, 23 февраля	15
Париж, 30 июня	16
Париж, 14 июля	17
Париж, 25 июля	18
Париж, 2 августа	19
Париж, 3 августа	20
Париж, 9 августа	21
Париж, 11 августа	22
Берлин, 25 августа	23
Берлин, 26 августа	24
Берлин, 2 сентября	25
Нюрнберг, 4 сентября	26
Нюрнберг, 5 сентября	27
Нюрнберг, 6 сентября	28
Нюрнберг, 7 сентября	29
Нюрнберг, 9 сентября	30
Нюрнберг, 10 сентября	31
Берлин, 9 октября	32
Берлин, 15 ноября	33
Берлин, 28 ноября	34
Берлин, 2 декабря	35
Берлин, 14 января 1935 года	36
Берлин, 25 февраля	37
Саарбрюккен, 1 марта	38
Берлин, 5 марта	39
Берлин, 15 марта	40
Берлин, 16 марта	41
Берлин, 17 марта	43
Берлин, 18 марта (в офисе)	45
Берлин, 26 марта	46
Берлин, 9 апреля	47
Берлин, 11 апреля	48
Бад-Саарау, 21 апреля (Пасха)	49
Берлин, 1 мая	50
Берлин, 21 мая	51
Берлин, 3 июня	53
Берлин, 7 июня	54
Берлин, 18 июня	55
Нью-Йорк, 9 сентября	56

Нью-Йорк, 16 сентября	57
Берлин, 4 октября	58
Берлин, 30 декабря	59
Берлин, 4 января 1936 года	60
Берлин, 23 января	61
Гармиш-Партенкирхен, февраль	62
Берлин, 25 февраля	63
Берлин, 28 февраля	64
Берлин, 5 марта	65
Берлин, 6 марта, полночь	66
Берлин, 7 марта	67
Берлин, 8 марта	70
Карлсруэ, 13 марта	72
29 марта	73
Берлин, апрель (без даты)	74
Берлин, 2 мая	75
Рагуза (латинское название Дубровника), Югославия, 18 июня	76
Рагуза, 20 июня	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Уильям Ширер

Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента

Посвящается Тэсс, которая делила со мной многое

Предисловие

Большинство из ведущих дневники наверняка не помышляют об их публикации в дальнейшем. Личный дневник не рассчитан на глаз постороннего человека, он таит интимные переживания и являет собой ту часть пишущего, которая в значительной степени скрыта от грубости окружающего мира.

Эти записи не претендуют на откровения такого рода. Конечно, я вел их для собственного удовольствия и душевного спокойствия, но если честно, то и с мыслью, что когда-нибудь большая часть моих записей может быть опубликована, при условии, что найдется издатель, который решится подписать их в печать. Разумеется, ни секунды не заблуждался я на свой счет, полагая, что моя персона и жизнь, которую я вел, могли бы представлять хоть малейший интерес для читающей публики. Единственным оправданием моих амбиций были превратности судьбы и род работы, кои предоставили мне уникальную возможность ежедневно передавать полученную из первых рук информацию о событиях в Европе, уже находившейся в состоянии агонии и с каждым месяцем и каждым годом неумолимо скатывавшейся в бездну войны и саморазрушения.

Таким образом, героем этого дневника является не автор записей (разве что иногда, случайно), а та самая Европа, которая во второй половине 30-х годов, как наблюдал он с нарастающим интересом и вместе с тем ужасом, бешено неслась по пути к Армагеддону. Главной причиной сдвига целого континента были одна страна – Германия, один человек – Адольф Гитлер. Большую часть лет, прожитых мною за границей, я провел в этой стране, вблизи этого человека. Именно с этого выгодного наблюдательного пункта я следил за тем, как дрогнули и затрещали по швам европейские демократии, как парализовало их уверенность, здравый смысл и волю и как сдавали они бастион за бастионом (за исключением Великобритании) до тех пор, пока дальнейшее сопротивление становилось бессмысленным. Изнутри цитадели тоталитаризма я мог наблюдать также, как Гитлер, действуя цинично, жестоко и лживо, с очевидными всем помыслами и целью, которых континент не знал со времен Наполеона, шел от победы к победе, объединяя Германию, перевооружая ее, разделяя и захватывая соседние государства, пока не сделал Третий рейх военным хозяином Европы и не довел свой несчастный народ до состояния рабов.

Я бегло записывал все эти события изо дня в день. К несчастью, некоторые из моих тогдашних записей были утеряны; другие я сжег, чтобы избежать риска и не оказаться «на попечении» гестапо; некоторые вещи я не осмеливался фиксировать, стараясь запечатлеть их в своей памяти, чтобы воспроизвести их позднее, в более безопасные времена. Но основную часть дневников и копии текстов всех моих радиопередач, не порезанных цензурой, мне удалось вывезти. Отсутствующие события я реконструировал из моих официальных донесений и текстов состоявшихся радиосообщений. В некоторых случаях мне пришлось восстанавливать

события дня по памяти, при этом я отдавал отчет в том, какие ловушки таит подобный способ, и требовал от себя безжалостной правдивости.

И наконец, имена некоторых лиц, живущих в Германии или имеющих там родственников, были изменены либо обозначены буквами, лишенными связи с подлинными именами. Гестапо не найдет улик.

Чапман, Нью-Йорк Апрель 1941

Часть I

Прелюдия войны

Льорет-де-Мар, Испания, 11 января 1934 года

Деньги у нас кончились. Послезавтра я должен вернуться на работу. Мы как-то особенно не задумывались об этом. Пришла телеграмма. Предложение. Не слишком выгодное предложение от парижской «Herald». Но оно даст возможность перебиться, пока не подыщу что-нибудь более подходящее.

Так заканчивается самый лучший, самый счастливый и самый обделенный событиями год из всех, что мы прожили. Он оказался для нас «выходным» годом, состоящим из одних воскресений, и мы жили в этой маленькой испанской рыбацкой деревушке именно так, как мечтали и планировали, приятно независимые от остального мира, от событий, людей, боссов, издателей, редакторов, родственников и друзей. Так не могло длиться вечно. Хотя мы и не собирались, но, если бы та тысяча, которую мы скопили, не уменьшилась внезапно до шести сотен из-за обвала доллара, можно было растянуть время до того момента, когда подвернется хорошая работа. Думаю, это были отличные деньки для того, чтобы быть безработным. Я восстановил свое здоровье, пошатнувшееся в Индии и Афганистане в 1930–1931 годах из-за перенесенной там малярии и дизентерии. Оправился от шока после несчастного случая в Альпах весной 1932 года, когда некоторое время мне угрожала полная слепота, но, к счастью, я лишился лишь одного глаза.

А только что закончившийся 1933 год, вполне возможно, оказался переходным не только лично для нас, но и для всей Европы и Америки. То, что делает Рузвельт дома, кажется, отдает чуть ли не социальной и экономической революцией. Гитлер и нацисты продержались в Германии достаточно долго, и наши друзья из Вены пишут, что фашизм, как местный клерикальный, так и берлинского толка, быстро делает успехи в Австрии. Здесь, в Испании, революция обернулась ничем и правое правительство Хуана Роблеса и Алехандро Лерруса, кажется, склоняется к восстановлению монархии или созданию фашистского государства по итальянской модели, а возможно – к тому и другому. Париж, в который я приехал в 1925 году, будучи в нежном возрасте двадцати одного года, и который любил, как любят женщину, уже не тот, что я увижу послезавтра – у меня нет на этот счет никаких иллюзий. Кажется даже, что весь мир, в который мы опять погружаемся, уже отличается от того, из которого мы уезжали всего год назад, когда упаковывали одежду и книги в Вене и отправлялись в Испанию.

Путешествуя по побережью от Барселоны, мы случайно наткнулись на деревушку Льорет-де-Мар. Она находится в пяти милях от железной дороги и раскинулась в виде полумесяца в широкой песчаной бухте у подножия Пиренеев. Тэсс она понравилась сразу. Мне тоже. Мы нашли меблированный дом прямо на пляже – три этажа, десять комнат, две ванны, центральное отопление. Когда владелец назвал цену – пятнадцать долларов в месяц, мы сразу заплатили за год вперед. Наши расходы, включая аренду дома, составляли в среднем шестьдесят долларов в месяц.

Что мы сделали за прошедшие двенадцать месяцев? Не очень-то много. Никаких великих свершений. Мы купались по четыре-пять раз в день с апреля до Рождества. Совершали прогулки по невысоким и доступным горным склонам, которые спускались к деревушке и морю, прошли тысячу оливковых рощ и сотню дубовых лесов, откладывая на завтра и – навсегда восхождение на покрытые снегом вершины, которое мы все время собирались совершить поздней весной и ранней осенью. Мы прочитали некоторые из тех книг, на которые не хватало

времени, когда днем надо было составлять еженочную телеграмму с сообщениями и когда мы метались из одной столицы в другую – из Парижа и Лондона в Дели. Что касается меня, то это были несколько книг по истории, несколько по философии, «Закат Европы» Шпенглера, «История русской революции» Троцкого, «Война и мир», «Путешествие на край ночи» Селина – самый оригинальный французский роман со времен войны, и чуть ли не весь Уэллс, Шоу, Эллис, Бирд, Хемингуэй, Дос Пассос и Драйзер. К нам приезжали друзья и останавливались у нас: Джей Алленс, Рассел и Пэт Штраус, Луис Кинтанилья – один из самых многообещающих молодых испанских художников и ярый республиканец. Андрес Сеговия жил по соседству и заходил вечерами поговорить или поиграть на своей гитаре Баха или Альбениса.

За этот год у нас было время узнать друг друга, побездельничать и поиграть, поесть и выпить, посмотреть бой быков после обеда, а ночью – на яркую Баррио-Чино в Барселоне; время прочувствовать краски, оливковую зелень холмов, ни с чем не сравнимую синеву Средиземного моря весной и удивительные суровые бело-серые небеса над Мадридом; а также узнать испанского крестьянина, и рабочего, и рыбака, людей с глубоким чувством собственного достоинства, мужественных и открытых, несмотря на их жалкое полуголодное существование; а в Прадо и в Толедо было немного времени на Эль Греко. Его стремительная манера письма и краски просто сразили нас, и вся живопись Возрождения, которую мы видели в Италии, даже да Винчи, Рафаэль, Тициан, Боттичелли, показалась нам бледной и анемичной.

Это был хороший год.

Париж, 7 февраля

С прошлого вечера ничего необычного. Вчера около пяти после полудня я бил баклуши в офисе «Herald», раздумывая, не снизойти ли мне до Национального собрания, где новый премьер Эдуард Даладье вроде бы должен зачитать свое заявление, и вдруг до нас долетел слух, что на площади Согласия волнения. Я поймал такси и помчался взглянуть. Но ничего неприятного не обнаружил. Несколько роялистов из «Королевских камелотов», «Юных патриотов» депутата Пьера Тэтинже и головорезов парфюмера Франсуа Коти – правая молодежь или гангстеры – попытались прорваться к парламенту, но были рассеяны полицией. На площади оказалось все спокойно. Я позвонил в редакцию «Herald», но Эрик Хоукинс, ведущий редактор, посоветовал мне быстренько перекусить где-нибудь неподалеку и попозже еще раз взглянуть на площадь. Около семи я вернулся на площадь Согласия. Там, действительно, что-то происходило. Конные гвардейцы в стальных шлемах расчищали сквер. В центре за обелиском горел автобус. Я пробился через гвардейцев, которые лихо орудовали саблями, и перешел на сторону Тюильри. На террасе собралось несколько тысяч человек. Смешавшись с толпой, я быстро понял, что это не фашисты, а коммунисты. Когда полицейские попытались оттеснить их вниз, они начали забрасывать их камнями и кирпичами. Мост через Сену, ведущий от площади Согласия к парламенту, был запружен огромным количеством конных гвардейцев, щелкавших затворами ружей, за ними стояли полицейские и пожарная команда. Несколько небольших групп пытались продвинуться к мосту по набережной от Лувра, но два пожарных шланга вынудили их обратиться в бегство. Около восьми часов пара тысяч ветеранов войны из U.N.C. (Union Nationale des Combattants)¹ строем вышли на площадь и промаршировали от Рон-Пуан вниз к Елисейским Полям. Они шли стройными рядами под огромными трехцветными флагами. Остановились возле моста, и их лидеры начали вести переговоры с полицейскими чинами. Я добрался до «Крийона» и с балкона третьего этажа стал обозревать площадь. Она была заполнена людьми. Первые выстрелы мы не услышали. Мы поняли, что началась стрельба, когда здесь же, на балконе, вдруг упала на пол женщина с пулевым ранением в лоб. Она стояла за Мелвином Уайтлетером из А.Р.² Потом мы услышали стрельбу, доносящуюся с моста и противоположного берега Сены. Кажется, стреляли из автоматических ружей. В ответ толпа ворвалась на площадь. Вскоре та вся была охвачена огнем. Слева от морского министерства начал распространяться дым. В ход пустили пожарные шланги, но люди стояли слишком плотно, чтобы их можно было рассредоточить. Я спустился в холл позвонить в редакцию. Там лежали несколько раненых и им оказывали первую помощь.

Стрельба продолжалась до полуночи, пока конная гвардия не начала одерживать верх. Несколько раз площадь Согласия переходила из рук в руки, но ближе к полуночи полиция уже контролировала ситуацию. В какой-то момент – около десяти часов – толпа, которая к этому времени была еще в ярости, но, очевидно, осталась без лидеров, попыталась штурмом взять мост. Часть народа пробиралась по набережным, где деревья служили хорошей защитой, часть бешено атаковала площадь. «Если они пройдут по мосту, – подумал я, – они перебьют всех депутатов Национального собрания». Но смертельный огонь – теперь, похоже, пулеметный – остановил их, и через несколько минут люди бросились врассыпную в разных направлениях.

Вскоре доносилась только редкая стрельба, и примерно десять минут двенадцатого я побежал вверх по Елисейским Полям по направлению к редакции, чтобы подготовить материал в газету. Около президентского Елисейского дворца я заметил охрану из нескольких рот

¹ Union Nationale des Combattants – правая организация, насчитывающая около восьмисот тысяч членов. Остальные четыре миллиона французских ветеранов Первой мировой войны состояли в Federation des Anciens Combattants. (Примеч. авт.)

² Американское агентство Ассошиэйтед Пресс. (Примеч. перев.)

регулярных войск, их я увидел сегодня впервые. Расстояние до редакции вверх по Елисейским Полям около мили, и я прибежал почти бездыханный, но успел написать пару колонок в срок. Официальные данные: шестнадцать убитых, несколько сот раненых.

Позднее. Даладье, строивший из себя сильного человека, ушел в отставку. Он сделал такое заявление: «Правительство, на коем лежит ответственность за порядок и безопасность, отказывается обеспечивать их исключительными мерами, которые могут привести к дальнейшему кровопролитию. Оно не желает использовать солдат против демонстрантов. Поэтому я вручил Президенту Республики заявление об отставке кабинета министров».

Представьте себе Сталина, или Муссолини, или Гитлера, не решающихся бросить войска против толпы, которая пытается свергнуть их режим. Возможно, что непосредственной причиной вчерашнего ночного бунта и вправду явился скандал с финансистом Стависким. Но мошенничество Ставиского просто продемонстрировало разложение и слабость французской демократии. На самом деле, Даладье и его министр внутренних дел Эжен Фро выдали U.N.C. разрешение на демонстрацию. А обязаны были отказать. Они должны были еще рано вечером иметь под рукой достаточное количество конных гвардейцев, чтобы рассеять толпу и не дать ей набрать силу. Но уйти в отставку сейчас, подавив фашистский мятеж, – а мятеж был именно фашистский, – это либо полнейшее малодушие, либо глупость. Интересно также, каким образом коммунисты оказались этим вечером по одну сторону баррикад с фашистами. Мне это не нравится.

Париж, 8 февраля

Старый «папаша» Думерг собирается возглавить правительство «национального единства». Они вытащили его из его деревни в Турнефейе, где он отдыхал со своей любовницей, на которой женился вскоре после ухода с поста президента. Он заявил, что сформирует кабинет из бывших премьер-министров и лидеров партий, но он будет правым и реакционным. Так как умеренные левые – люди, подобные Шотану, Даладье, Эррио, – показали, что они не могут управлять или не хотят.

Париж, 12 февраля

Сегодня всеобщая забастовка, но не очень эффективная, и волнений не произошло.

Позднее. Дольфус нанес удар по социал-демократам в Австрии, единственной организованной силе (сорок процентов населения), способной спасти его от заглатывания нацистами. Связи с Веной не было почти весь день, но сегодня вечером материал начал поступать в офис. Это гражданская война. Социалисты окопались в больших муниципальных домах, которые они построили после войны – как образцы для всего мира: Карл-Марксхоф, Гетехоф и т. д. Но Дольфус и хеймвер³ под предводительством принца Штаремберга, плейбоя-невежды, а также майор Фей, жестокий реакционер с лошадиной физиономией, контролировали всю остальную часть города. С имеющимися у них танками и артиллерией они победят, если только социалисты не получат помощь из предместья Братиславы.

Так вот что вчера имел в виду Фей! Меня поразили слова из его речи, переданные Гавас⁴ прошлой ночью: «За последние несколько дней я убедился, что канцлер Дольфус человек хеймвера. Завтра мы начнем устраивать в Австрии чистосердечные признания». Но я счел это его обычным горлопанством. И что за роль для маленького Дольфуса! Всего год назад мы с Джоном Гунтером и Эриком Геде имели с ним длительную беседу после ланча, который англо-американский пресс-клуб устроил в его честь. Я увидел застенчивого невзрачного парня и был удивлен, как незаконный крестьянский сын смог пойти так далеко. Но дай маленьким людям немного власти, и они станут опасными. Я посочувствовал своим друзьям социал-демократам, наиболее порядочным людям, которых я встречал в Европе. Хотел бы я знать, сколько их падет жертвой сегодняшней ночью. Демократия в Австрии погибла, погибла еще в одной стране. Я оставался в офисе до часа тридцати, пока номер не был готов к печати, а сейчас чувствую себя слишком уставшим и подавленным новостями, чтобы уснуть.

³ Союз защиты родины – вооруженная организация фашистского типа. (Примеч. перев.)

⁴ Французское информационное агентство (Havas) в 1835–1940 гг. В 1944 г. на его базе основано агентство Франс Пресс. (Примеч. перев.)

Париж, 15 февраля

По официальным донесениям, сражение в Вене сегодня завершилось. Дольфус уничтожил последних рабочих с помощью артиллерии и отправился помолиться. Ну что ж, по крайней мере, австрийские социал-демократы сражались – в отличие от своих товарищей в Германии. По-видимому, Отто Бауэр и Юлиус Дойч благополучно перебрались через чешскую границу. Это хорошо, а то Дольфус бы их повесил.

Париж, 23 февраля

День моего рождения. Тридцать лет. И у меня самая худшая работа за всю мою жизнь. Тэсс устроила громадный банкет, а после него мы отправились на концерт. До чего «вскользь» французы относятся к Бетховену! Эллиот Поль, бывало, говорил, что если бы французские музыканты во время своего выступления перестали читать свои газеты «L'Intransigeant» или «Paris-Soir», то играли бы лучше. Надо посмотреть шекспировского «Кориолана» в «Комеди Франсез», левые усматривают в нем антидемократические настроения. Сегодня слышал, что Дольфус повесил Коломана Валлиша, социал-демократа, мэра города Брукан-дер-Мур. Клод Кокберн, которому следовало бы знать что к чему, на днях опубликовал в «Week» абсурдный отчет о бесчинствах 6 февраля. Описал их как протест рабочего класса. Довольно любопытно, что его описание этой ночи подозрительно похоже на описание Троцким восстания 1917 года в Петрограде в его «Истории русской революции». На самом деле 6 февраля была попытка фашистского переворота, которой коммунисты, вольно или невольно, помогли.

Париж, 30 июня

Сегодня несколько часов не было связи с Берлином, но к вечеру телефонную связь восстановили. И что за новость! Гитлер и Геринг провели чистку в рядах тайной полиции СА, убив многих ее лидеров. По сообщению одного агентства, Рему, который был арестован лично Гитлером, позволили совершить самоубийство в мюнхенской тюрьме. Французы довольны. Они думают, что это начало конца нацизма. Как бы я хотел получить место в Берлине! Это история, которую мне хотелось бы описывать.

Париж, 14 июля

Сейчас здесь моя сестра, и вечером мы втроем отметили День Бастилии. Повели ее в кафе, посмотреть, как люди танцуют. Закончили вечер в кафе «Флер», где я познакомил ее с несколькими обитателями Латинского квартала. Алекс Смолл был в отличной форме. Когда он в своих рассказах дошел до сражения под Верденом, я с трудом увел мою семью, так как слышал это не первый раз и не первый год.

Теперь выясняется, что гитлеровская чистка была еще радикальнее, чем это показалось по первым сообщениям. Рём не застрелился, а был убит по приказу Гитлера. Погибли также: Хайнес, печально известный нацистский босс

Силезии, доктор Эрих Клаузнер, лидер «Католического действия» в Германии, Фритц фон Бозе и Эдгар Юнг, два секретаря Папена (сам Папен еле-еле ноги унес), Грегор Штрассер, который ранее был для Гитлера вторым по важности лицом в нацистской партии, и генерал фон Шляйхер с женой, двоих последних хладнокровно убили. Вижу в этом списке и имя фон Кара, человека, который препятствовал гитлеровскому «пивному путчу» в 1923 году. Таким образом, Гитлер взял свой личный реванш. Вчера, в пятницу 13-го, Гитлер отправился в рейхстаг с объяснениями. Когда он завопил: «Верховный суд немецкого народа в течение этих двадцати часов представлял я!» — депутаты встали и зааплодировали. Кое-кто уже почти забыл, как силен в немцах садизм и мазохизм.

Париж, 25 июля

Дольфус мертв, его убили нацисты, которые сегодня взяли под контроль ведомство канцлера и венскую радиостанцию. Очевидно, их путч провалился, и Миклас и доктор Шушник контролируют ситуацию. Я не люблю убийства, нацистские тем более. Но я не способен оплакивать Дольфуса после устроенной им хладнокровной резни социал-демократов в феврале. Кажется, Фей, согласно донесениям, сыграл любопытную роль. Он находился в канцелярии с Дольфусом, и его заставили выйти на балкон, чтобы позвать Ринтелена, которого нацисты назвали своим первым канцлером. Видимо, он подумал, что нацистский путч удался, и был готов к ним присоединиться. Гнусная лошадиная морда этот Фей.

Париж, 2 августа

Сегодня утром умер Гинденбург. Кто теперь *сможет* стать президентом? Что предпримет Гитлер?

Париж, 3 августа

Гитлер сделал то, чего никто не ожидал. Он назначил себя и президентом, и канцлером. Все сомнения относительно лояльности армии были отброшены еще до того, как тело фельд-маршала успело остыть. Армия дала Гитлеру клятву в безусловном подчинении ему лично. Этот человек находчив.

Париж, 9 августа

Днем мне позвонил в офис Дош-Флеро из Берлина и предложил работать у него в агентстве. Я сразу же согласился, мы договорились об оплате, и он сказал, что даст мне знать после переговоров с Нью-Йорком.

Париж, 11 августа

Вечером Ларри Хиллс, редактор и управляющий «Herald», поныл немного по поводу моего ухода, но переборол свой дурной характер, и в итоге мы отправились в бар отеля «Калифорния» и выпили. Надо бы освежить в памяти мой немецкий.

Берлин, 25 августа

Наше вступление в границы гитлеровского Третьего рейха сегодня вечером было вполне обычным. Выехав дневным поездом из Парижа, чтобы немного посмотреть страну, мы прибыли на вокзал Фридрихштрассе около десяти. Первыми, кто приветствовал нас на платформе, были два агента тайной полиции. Я ожидал, что рано или поздно встречу с тайной полицией, но не думал, что так скоро. Как только я вышел из вагона, два человека в штатском схватили меня, отвели немного в сторону и спросили, не я ли герр такой-то – в жизни не разобрал бы ту фамилию. Я ответил, что нет. Один из них задавал мне этот вопрос еще и еще раз, и я наконец показал ему паспорт. Он внимательно разглядывал его несколько минут, потом подозрительно посмотрел на меня и сказал: «Итак... следовательно, вы не герр такой-то. Вы герр Ширер». – «И никто иной, – ответил я, – как вы могли убедиться по паспорту». Он еще раз подозрительно взглянул на меня, подмигнул своему напарнику, неловко отдал честь и удалился. Мы с Тэсс прошли до отеля «Континенталь» и сняли громадный номер. Завтра я начинаю новую главу своей жизни.

Берлин, 26 августа

Никербокер рассказал мне, что Дороти Томпсон отбыла вчера с вокзала Фридрихштрассе незадолго до нашего приезда. Ей велено было выехать в двадцать четыре часа – очевидно, работа Путци Ханфштенгля. Он не мог простить ей ее книги «Я видела Гитлера», в которой к тому же она сильно недооценила этого человека. Положение самого Ника здесь ненадежное, очевидно, из-за некоторых его прошлых и нынешних статей. Геббельс, раньше симпатизировавший ему, поссорился с ним. Через день или два он едет в Бад-На-ухайм повидаться с Хёрстом.

Берлин, 2 сентября

У меня тяжелый случай депрессии. Скучаю по старому Берлину времен республики: атмосфера беззаботности, свободы и цивилизации, женщины с вздернутыми носиками и коротко стриженные «под мальчика», и молодые мужчины, с короткими или длинными волосами, – это не имело значения, – те, что сидели с тобой ночь напролет и что-то обсуждали умно и страстно... Постоянное «Хайль Гитлер!», шелканье каблуков и штурмовики в коричневых рубашках или эсэсовцы в черных плащах, марширующие туда-сюда, раздражают меня, хотя старожилы говорят, что сейчас людей в коричневых рубашках меньше, чем до переворота. Жильи, работавший в Берлине корреспондентом «Morning Post» (сейчас он трудится в Париже), упрямо проводит здесь часть своего отпуска. Мы несколько раз прогуливались и дважды вынуждены были нырять в магазины, чтобы избежать либо необходимости салютовать штандарту проходящих батальонов СС или СА, либо перспективы быть избитыми в том случае, если этого не сделаем. Позавчера Жильи пригласил меня на ланч в пивную на Фридрихштрассе. Когда мы возвращались, он показал здание, откуда год назад несколько дней подряд можно было слышать крики евреев, которых там пытали. Я обратил внимание на вывеску. Это до сих пор была штаб-квартира какого-то босса СА. Тэсс пыталась взбодрить меня и повела вчера в зоопарк. Был приятный жаркий день, и, понаблюдав за обезьянами и слонами, мы позавтракали на затененной террасе тамошнего ресторана. Позвонил нашему послу профессору Уильяму И. Додду. Он произвел на меня впечатление прямого и честного человека либеральных взглядов, цельной натуры, что необходимо американскому послу здесь. Мне показалось, что он остался недоволен моим высказыванием, что я не скорблю о смерти Дольфуса, и мог интерпретировать это как мою симпатию к нацистам, хотя надеюсь, что это не так. Позвонил также секретарю посольства Дж. К. Уайту, который оказался обычным карьерным дипломатом государственного департамента. Он немедленно прислал мне в отель визитные карточки, но так как я не понимаю этой карточной дипломатии, то ничего с ними и не предпринял. Послезавтра собираюсь понаблюдать за ежегодным съездом нацистской партии в Нюрнберге. Это позволит по-настоящему познакомиться с нацистской Германией.

Нюрнберг, 4 сентября

Подобно римскому императору, Гитлер въехал сегодня в этот средневековый город на закате, минуя фаланги бурно приветствовавших его нацистов, заполонивших узкие улочки, которые видели когда-то знаменитого поэта Ганса Сакса и других мейстерзингеров. Десятки тысяч флагов со свастикой закрывали готическую красоту площади, фасады и остроконечные крыши старинных домов. На улицах города, которые едва ли шире дорожек в парке, море коричневой и черной униформы. Первый раз я увидел Гитлера мельком, когда он проезжал по улице мимо нашего отеля «Вюртембергер Хоф» к своей штаб-квартире в «Дойче Хоф», его любимом старинном отеле, который специально для него реконструировали. Стоя в машине, он сжимал левой рукой фуражку, а правую вяло вскидывал в нацистском приветствии, выражая признательность за этот сумасшедший прием. Он был одет в поношенную габардиновую полушинель. В лице ничего особенного, я предполагал, что оно у него более волевое. Мне никогда не понять, какие тайные источники он вскрыл в этой истеричной толпе, чтобы она так бурно его приветствовала. Он не держится перед толпой с некоторой театральной властью, которую я наблюдал у Муссолини. Я рад был видеть, что он не выдвигает вперед подбородок и не отбрасывает голову назад, как дуче, не делает стеклянные глаза, хотя и есть что-то стеклянное в его глазах – самой выразительной части его лица. В его манере держаться чувствуется даже какая-то наигранная скромность. Сомневаюсь, что она неподдельная.

Этим же вечером в прекрасной старинной ратуше Гитлер официально открыл четвертый партийный съезд. Он говорил минуты три, видимо приберегая голос для шести больших выступлений, которые были включены в программу следующих пяти дней. Путци Ханфштенгль, необъятный, легковозбудимый, непоследовательный неотесанный парень, который не забывал напоминать нам, что он частично американец и окончил Гарвард, выступил с докладом о событиях дня в качестве шефа представителей иностранной прессы на съезде. Стараясь, очевидно, угодить своему боссу, он имел наглость просить нас, чтобы мы «сообщали о событиях в Германии, не пытаясь их интерпретировать». «Только история, – орал Путци, – сможет оценить события, которые происходят сейчас под руководством Гитлера». Мы должны поддакивать нацистской пропаганде – вот что он имел в виду и что имеют в виду Геббельс и Розенберг. Боюсь, что эти слова Путци без особого внимания, если не сказать добродушно, были восприняты американскими и британскими корреспондентами, которым он даже нравился, несмотря на его непроходимую глупость.

Сегодня около десяти часов вечера я оказался в толпе из десяти тысяч истериков, которыми был запружен крепостной ров перед отелем Гитлера. Они кричали: «Мы хотим нашего фюрера». Я был слегка шокирован лицами этих людей, особенно женщин, в тот момент, когда фюрер наконец появился на минуту на балконе. Они напомнили мне специфическое выражение, которое я видел однажды в глуши Луизианы на лицах сектантов-трясунов, готовых начать свои дикие пляски. Они смотрели на него как на мессию, в их лицах явно появилось что-то нечеловеческое. Думаю, задержись он на виду чуть подольше, большинство женщин попадали бы в обморок от возбуждения.

Потом мне удалось протолкнуться в вестибюль «Дойче Хоф». Я узнал Юлиуса Штрайхера, которого здесь называли некоронованным королем Франконии. В Берлине он больше известен как антисемит номер один и издатель вульгарной и порнографической антисемитской газетенки «*Sturmer*». Он был обрит наголо, и это, казалось, прибавляло садизма его физиономии. Когда он прохаживался, угрожающе размахивал короткой плеткой.

Сегодня приехал Ник. Он будет работать здесь корреспондентом.

Нюрнберг, 5 сентября

Кажется, я начинаю понимать некоторые причины поразительного успеха Гитлера. Позаимствовав тексты законов римской церкви, Гитлер возвращает пышную зрелищность, красочность и мистицизм в однообразную жизнь немцев двадцатого столетия. Сегодняшнее утреннее заседание в Луитполд-Халле, в предместье Нюрнберга, оказалось более чем великолепным; в нем тоже был некий мистицизм и религиозная страстность пасхальной или рождественской мессы, проходящей в громадном кафедральном соборе. Везде море разноцветных флагов. Даже приезд Гитлера был обставлен театрально. Оркестр перестал играть. В зале, где собралось тридцать тысяч человек, установилась тишина. Потом оркестр заиграл «Baden-weiler March», очень легко запоминающуюся мелодию, и, как мне рассказали, именно в тот момент, когда Гитлер совершал свой великий выход. Он появился в глубине зала и, сопровождаемый своими помощниками – Герингом, Геббельсом, Гессом, Гиммлером и другими, медленно зашагал по длинному центральному проходу, и в это время тридцать тысяч рук поднялось в приветствии. Этот ритуал, как говорят корреспонденты-старожилы, соблюдается всегда. Затем огромный симфонический оркестр исполнил бетховенскую увертюру «Эгмонт». Громадные прожектора освещали сцену, где сидел Гитлер в окружении сотни партийных чиновников и армейских и морских офицеров. За ними – «кровавый флаг», пронесенный по улицам Мюнхена во время злополучного путча. Позади него – четыреста или пятьсот штандартов СА. Когда музыка закончилась, Рудольф Гесс, ближайшее доверенное лицо Гитлера, встал и медленно зачитал имена нацистских «мучеников» – коричневорубашечников, погибших в борьбе за власть. Это была переключка мертвецов, которая, судя по всему, сильно растрогала тридцать тысяч сидящих в зале.

Естественно, что в такой атмосфере каждое брошенное Гитлером слово воспринималось как ниспосланное свыше. В такие моменты способность людей, по крайней мере немцев, мыслить критически испаряется и любая произнесенная ложь принимается за высшую истину. Именно в таком состоянии были собравшиеся в зале нацисты, когда им преподнесли воззвание фюрера. Он зачитывал его не сам. Зачитывал гауляйтер Баварии Вагнер. Интересно, что его голос и манера говорить были похожими на гитлеровские, поэтому некоторые корреспонденты, которые слушали выступление в отеле по радио, думали, что говорил сам Гитлер.

Что касается воззвания, то оно содержало следующие заявления, встреченные такими бурными аплодисментами, будто явились для всех откровением: «Немецкий образ жизни точно определен на ближайшую тысячу лет. Для нас нестабильный девятнадцатый век наконец завершился. В следующее тысячелетие в Германии не будет революций!»

Или: «Германия сделала все возможное, чтобы обеспечить мир во всем мире. Если война снова приходит в Европу, то только из-за коммунистического хаоса». Позже, перед заседанием «по культуре», он добавил: «Только безмозглые карлики не в состоянии понять, что Германия встала волноломом на пути коммунистических потоков, которые могут затопить Европу и ее культуру».

Гитлер коснулся также борьбы, ведущейся сейчас против его попытки сделать нацистской протестантскую церковь. «Я стараюсь объединить ее. Я убежден, что Лютер сделал бы то же самое и думал бы об объединенной Германии в общем и целом».

Нюрнберг, 6 сентября

Сегодня Гитлер впервые представил народу свой Трудовой корпус, и это оказалась хорошо подготовленная полувоенная организация фанатично настроенной нацистской молодежи. Стоя в лучах утреннего солнца, искрящегося на их блестящих лопатах, пятьдесят тысяч юнцов (первая тысяча была обнажена до пояса) заставили немецких зрителей зареветь от восторга, когда неожиданно начали маршировать настоящим гусиным шагом. С тех пор гусиный шаг всегда кажется мне проявлением глупости и полного отсутствия человеческого достоинства, но в то утро я впервые почувствовал, какую тайную струну затрагивает этот шаг в странной душе немца. Все непроизвольно вскочили и заорали приветствия. Это был ритуал даже для мальчиков из Трудового корпуса. Они образовали скандирующий хор и синхронно произносили: «Мы хотим одного лидера! Ничего для нас! Все для Германии! Хайль Гитлер!»

Странно, что никто из близких или друзей руководителей СА, скажем генерала фон Шляйхера, не мог на этой неделе встретиться с Гитлером, Герингом или Гиммлером. Хотя Гитлера тщательно охраняет СС, глупо думать, что его не могут убить. Вчера мы строили предположения по этому поводу: Пэт Мэрфи из «Daily Express», бесцеремонный, но смешной и занятный ирландец, Кристофер Холмс из «Reuter», похожий на поэта, а может, и правда поэт, Ник и я. Мы сидели в комнате Пэта и наблюдали за крепостным рвом. Возвращаясь с заседаний, Гитлер проезжал мимо нас. И все мы сошлись на том, что из комнаты, подобной нашей, можно запросто бросить бомбу в его машину, выбежать на улицу и затеряться в толпе. Но до сих пор таких попыток не было, хотя некоторые нацисты беспокоились по поводу воскресенья, когда Гитлер должен проводить смотр СА.

Нюрнберг, 7 сентября

Сегодня вечером еще одно пышное зрелище. Двести тысяч партийных чиновников собралось на Цеппелин-Вайзе (лугу Цеппелинов), украшенном двадцать одной тысячей флагов, которые расцвели в свете прожекторов, как фантастический сад. «Мы сильны и будем еще сильнее!» – кричал в микрофон Гитлер, и его слова эхом отдавались в тишине. И в этой залитой светом прожекторов ночи спрессованные, как сардины в банке, простые люди Германии, которые допустили фашизм, достигали высочайшего, в понимании немецкого человека, состояния. Происходило соединение душ и умов отдельных людей, – с их личными заботами, сомнениями и проблемами, – до тех пор, пока под действием мистических огней и магического голоса австрийца они полностью не слились в единое германское стадо. Потом они пришли в чувство – эти пятнадцать тысяч – и устроили факельное шествие по старинным улицам Нюрнберга, а Гитлер салютовал им, стоя у вокзала напротив нашего отеля. Сегодня приехал фон Папен и весь вечер оставался в одиночестве в машине позади Гитлера. Кажется, это первое его появление на публике после того, как 30 июня он еле избежал смерти от руки Геринга. Счастливым он не выглядел.

Нюрнберг, 9 сентября

Сегодня Гитлер впервые со дня кровавого путча стоял лицом к лицу со штурмовыми отрядами СА. В своем страстном обращении к пятидесяти тысячам штурмовиков он «простил» им вину за «переворот», устроенный Рёмом. На стадионе ощущалась напряженность, и я заметил, что личная эсэсовская охрана Гитлера выстроилась перед ним в полной боевой готовности, отделяя вождя от коричнево-рубашечной массы. Нам было интересно, не вытащит ли хоть один из этих пятидесяти тысяч «коричневых» револьвер, но никто этого не сделал. Виктор Лутце, преемник Рёма на посту шефа СА, тоже произнес речь. У него неприятный пронзительный голос, и мне показалось, что парни из СА приняли его холодно. Гитлер пригласил на сегодняшний завтрак нескольких иностранных корреспондентов, но я в их число не попал.

Нюрнберг, 10 сентября

Сегодня был день торжества для армии, которая весьма реалистично демонстрировала учебный бой на лугу Цеппелинов. Трудно преувеличить неистовство трехсот тысяч немецких зрителей, увидевших своих солдат в действии, услышавших гром орудий и почувствовавших запах пороха. Я понял, что все те американцы и англичане (среди прочих), которые считали, что германский милитаризм был детищем Гогенцоллернов – от Фридриха Великого до кайзера Вильгельма II, ошибались. Скорее, это что-то глубоко укоренившееся во всех немцах. Они вели себя сегодня как дети, играющие в солдатиков. Сегодня рейхсвер⁵ «сражался» только «оборонительным» оружием, разрешенным ему Версальским договором, но каждому известно, что он имеет и все остальное: танки, тяжелую артиллерию и, возможно, авиацию.

Позднее. Сегодня после семи дней почти непрерывного марширования гусиным шагом, произнесения речей и пышных торжеств съезд подошел к концу. И хотя я смертельно устал и у меня развился тяжелый случай боязни толпы, все-таки я доволен, что приехал сюда. Через это надо пройти, чтобы понять власть Гитлера над людьми, прочувствовать динамику запущенного им механизма и в высшей степени дисциплинированную силу немецкой толпы. И теперь, как рассказывал Гитлер вчера иностранным корреспондентам, разъясняя свой метод, полмиллиона человек, побывавших здесь в течение этой недели, вернутся в свои города и деревни и будут с новым фанатизмом проповедовать новую доктрину. Завтра посплю подольше и ночным поездом вернусь в Берлин.

⁵ Вооруженные силы Германии в 1919–1935 гг., созданные на основе Версальского мирного договора. В 1935 г. Германия отвергла военные статьи этого договора и приступила к созданию вермахта на основе всеобщей воинской повинности. (Примеч. перев.)

Берлин, 9 октября

Мы сняли удобную квартиру-студию на Тауенцинштрассе. Хозяин квартиры, еврейский скульптор, говорит, что собирается уехать в Англию, пока еще есть возможность, – вероятно, он поступает мудро. Он оставил нам прекрасную библиотеку немецкой литературы, которой, надеюсь, я найду время воспользоваться. Мы немного устали от житья в квартирах или домах, обставленных чужими людьми, но кочевая жизнь, которую мы вели, не позволяла нам иметь собственные вещи. Нам повезло, что заполучили это жилье, обставленное современно и с хорошим вкусом. Большая часть квартир для среднего класса, которые мы посмотрели в Берлине, были заставлены ужасной мебелью и завалены хламом и безделушками.

Позднее. Когда в восемь вечера я позвонил в наш парижский офис, мне рассказали, что сегодня после полудня в Марселе был убит король Югославии, а Луи Барту, министр иностранных дел Франции, тяжело ранен. Берлин не сильно огорчится, так как король Александр, кажется, был расположен к более тесному сотрудничеству с французским блоком против Германии, а Барту неплохо трудился на ниве укрепления французских альянсов со странами Восточной Европы и привлечения России к подписанию восточного варианта Локарнского договора.

Берлин, 15 ноября

Новостей в эти дни мало. Освещал столкновение в протестантской церкви. Протестантские круги, кажется, проявляют больше мужества перед лицом нововведений, чем социалисты или коммунисты. Но я думаю, что Гитлер заполучит их и постепенно навяжет стране некую разновидность германского язычества, которую вынашивают сейчас «интеллектуалы» вроде Розенберга. Сегодня вечером ходил на розенберговскую пивную вечеринку, которую он устраивает раз в месяц для дипломатов и иностранных корреспондентов. Розенберг был для Гитлера одним из «духовных» и «интеллектуальных» наставников, хотя, как и большинство прибалтов, которых я встречал, он поражает меня чрезвычайной непоследовательностью, а его книга «Мифы двадцатого века» – в этой стране бестселлер номер два после «Майн кампф» – производит впечатление мешанины из исторической чепухи. Некоторые из его врагов, например Ханфштенгель, говорят, что Розенберг мог стать образцовым русским большевиком, так как во время революции был студентом в Москве, но сбежал, потому что большевики ему не доверяли и не назначили бы его на важный пост. Он говорит с сильным прибалтийским акцентом, поэтому я с трудом понимал его немецкий. В этот вечер за столом для почетных гостей у него был посол Додд, и выглядел профессор совершенно несчастным. Ораторствовал Бернгард Руст, нацистский министр образования, но во время его речи мысли мои где-то блуждали. Руст – человек не без способностей и изо всех сил внедряет нацистскую идеологию в школах. В том числе и новые нацистские учебники, фальсифицирующие историю – иногда до абсурда.

Берлин, 28 ноября

Здесь много говорят о том, что Германия тайно вооружается, хотя точную информацию получить трудно, а если раздобудешь и передашь, то тебя могут выслать. Вчера вернулся из Лондона сэр Эрик Фиппс, британский посол, которого мне случилось видеть в Вене в бытность его там советником посольства (выглядит как венгерский денди, лицо абсолютно бесстрастно), которого я здесь до сих пор не встречал, и, как сообщают, он задал вопрос о вооружении на Вильгельмштрассе. Сегодня зашел в дешевый магазин и купил для бала иностранных журналистов в «Субботнюю ночь» в «Адлоне» чудный готовый фрак. Мне сказали, что смокинг не подойдет.

Берлин, 2 декабря

Бал прошел нормально. Тэсс была в новом платье и выглядела отлично. Среди присутствовавших были Геббельс, сэр Эрик Фиппс, Франсуа Понсе, Додд и генерал фон Рейхенау, наиболее близкий к нацистам в рейхсвере и поддерживающий хорошие отношения с большинством американских корреспондентов. Предполагалось и присутствие фон Нейрата, но прошел слух, что он остался недоволен порядком распределения мест за столом – обычная проблема с немцами на приемах, и я его на вечере не видел. Мы танцевали и пили почти до трех и закончили завтраком из яичницы с беконом в баре «Адлона».

Берлин, 14 января 1935 года

Вчера истинные католики и рабочие Саара проголосовали за возвращение в рейх. За воссоединение проголосовали почти девяносто процентов – больше, чем мы ожидали, но многие наверняка испугались, что их выявят и накажут, если они не отдадут свой бюллетень за Гитлера. Что же, по крайней мере, одна причина напряженности в Европе исчезает. Гитлер заявил и повторил вчера еще раз по радио, что Саар был последним яблоком раздора с Францией. Посмотрим...

Берлин, 25 февраля

Дипломатические круги и большинство журналистов испытывают оптимизм по поводу важного решения, которое должно обеспечить мир. Сэр Джон Саймон, британский министр иностранных дел, прибывает в Берлин. Несколько дней назад Лаваль и Фланден встретились в Лондоне. Их предложение состоит в следующем: освободить Германию от условий мирного договора, касающихся разоружения (Гитлер быстро освободился от них сам) в обмен на обещание Германии уважать независимость Австрии и всех остальных малых государств. Тем не менее французы отметили, что Гитлер по-умному разлучил Париж и Лондон, пригласив сюда на переговоры британца, а не француза. И наивный Саймон попался на эту удочку.

Саарбрюккен, 1 марта

Сегодня немцы формально оккупировали Саар. Там весь день лил дождь, но он не поубавил энтузиазм местных жителей. В них сидит вирус нацизма – к сожалению. Но я вернусь сюда через пару лет, чтобы посмотреть, будет ли тогда он нравиться им, тем католикам и тем рабочим, которые составляют большинство населения. Гитлер прибыл сегодня днем и устроил смотр СА и войскам. Перед началом парада я встал на помост рядом с Вернером фон Фричем, главнокомандующим рейхсвера и главным авторитетом растущей германской армии. Меня немного удивило его поведение. Он, не прекращая, вел беглый огонь полными сарказма замечаниями в сторону СС, партии и различных партийных лидеров по мере их появления. Он был полон презрения к ним всем. Когда приехали машины Гитлера, он недовольно хмыкнул, потом прошел к нему и на время парада занял место позади фюрера.

Берлин, 5 марта

Что-то не то творится с подготовкой всеобщего соглашения. Предполагалось, что послезавтра сюда для переговоров с немцами прибудет Саймон, но сегодня утром фон Нейрат заявил британцам, что Гитлер простудился и попросил Саймона отложить поездку. Небольшое расследование на Вильгельмштрассе показало, что это «дипломатическая простуда». Немцы раздражены вчерашней публикацией в Лондоне парламентского доклада, подписанного премьер-министром Макдональдом и комментирующим активное перевооружение германских военно-воздушных сил. Особенно, по их словам, обидел немцев следующий пассаж в этом документе: «Их (германских военно-воздушных сил. – *Примеч. авт.*) перевооружение, если оно продолжится теми же темпами, стабильными и неконтролируемыми, усилит существующую угрозу для соседних с Германией государств и, следовательно, может создать ситуацию, когда мир окажется в опасности. Правительство его величества приняло к сведению и приветствовало заявления германских руководителей о том, что они желают мира. Однако оно не может не признать, что общий характер организации не только вооруженных сил, но и всего населения, особенно молодежи страны, делает более правдоподобным и достаточно обоснованным ощущение небезопасности, которое уже бесспорно возникло».

Все это достаточно правдиво, но нацисты злятся, и Гитлер отказывается встречаться с Саймоном.

Берлин, 15 марта

Саймон, как сейчас объявили, приедет сюда 24 марта. Но все не так хорошо. Геринг рассказал «Daily Mail», которая благодаря лорду Ротермеру, своему владельцу, и Варду Прайсу, разъездному корреспонденту (оба пронацистски настроены), стала для нацистов отличным рупором и звуковым отражателем, что Германия создает военно-воздушные силы. Он впервые публично признал это. Сегодня здесь было заявлено, что Геринг как министр авиации будет находиться под началом фон Бломберга, министра обороны, таким образом он получил благословение армии на создание новых германских военно-воздушных сил. Сегодня на Вильгельмштрассе выразили протест против увеличения во Франции срока воинской службы.

Берлин, 16 марта

Сегодня примерно в три часа дня мне позвонили из министерства пропаганды и взволнованно попросили прийти в пять часов на пресс-конференцию, где д-р Геббельс сделает заявление «чрезвычайной важности». Когда я туда добрался, в конференц-зал набилось уже около сотни корреспондентов, все были сильно возбуждены, но никто не знал, зачем нас созвали. Наконец притащился Геббельс, важный и мрачный. И сразу же начал зачитывать громким голосом текст нового закона⁶.

Он читал слишком быстро, чтобы я мог записывать от руки, но в этом не было необходимости. Гитлер по собственной воле положил конец военным статьям Версальского договора, восстановил всеобщую воинскую повинность и объявил о создании на ее основе армии из двенадцати корпусов и тридцати шести дивизий. Все корреспонденты тут же вскочили и бросились к телефонам в холле, не дожидаясь конца выступления Геббельса. Наконец маленький «доктор» закончил. Два или три чиновника остались, чтобы ответить на вопросы, но было ясно, что они боялись сказать больше того, что содержалось в официальном коммюнике. Сколько человек будет в новой армии? Тридцать шесть дивизий, – отвечали они. Сколько человек в немецкой дивизии? – Как сказать... И так далее.

Я прошелся по Вильгельмштрассе с Норманом Эбботом из лондонской «Times», самым осведомленным здесь иностранным корреспондентом, и Пэтом Мэрфи из «Daily Express». Эббот казался слегка ошеломленным такими новостями, но настаивал, что в конце концов это не новость, что немцы создавали свою армию уже больше года.

Я заторопился в офис на Доротеенштрассе, чтобы сделать несколько звонков, а затем, не откладывая, сел писать. Была суббота, а утренние воскресные газеты у нас отправляют в печать рано.

Позднее. Закончил свою статью около десяти вечера и посидел в офисе, чтобы ответить на вопросы из Нью-Йорка. Я понимаю, что Гитлер действует с молниеносной скоростью, видимо побуждаемый тем, что настало время – наконец-то – совершать поступки, и совершать их безнаказанно, и похоже, он на это нацелен. Из парижского офиса мне сообщили, что французы взволнованы и пытаются заставить британцев что-нибудь предпринять, но Лондон держится в стороне. Гитлер вернулся из своего убежища в горах в Берхтесгадене вчера вечером и немедленно созвал кабинет и военных руководителей. Решение было принято тогда, или, скорее, Гитлер просто сообщил его остальным. Кажется, насколько я смог выяснить, там ни у кого не было сомнений, а если и были, то никто их не выразил. Эксперты отправились работать над проектом закона, а Гитлер и Геббельс начали составлять два воззвания: одно для партии, другое для народа Германии.

В час дня Гитлер снова собрал кабинет и военных и зачитал им тексты закона и двух воззваний. По данным моего осведомителя, члены кабинета обнимали друг друга, после того как умолк магический голос Гитлера. Седовласый генерал фон Бломберг опередил всех присутствующих возгласом: «Да здравствует Гитлер!» Должно быть, это было одно из самых недостойных заседаний кабинета министров в истории Германии. Но нацистов не заботит чувство собственного достоинства, – если можно добиться желаемого результата. И прусское юнкерство многое забудет – и многое проглотит – теперь, когда Гитлер дал им то, чего они хотели.

⁶ Вот этот текст: «Закон о воссоздании Национальных вооруженных сил. Правительство рейха приняло следующий закон, который провозглашает: 1. Служба в вооруженных силах основывается на всеобщей воинской повинности. 2. Германская мирная армия, включая входящие в нее подразделения полиции, состоит из двенадцати корпусных соединений и тридцати шести дивизий. 3. Дополнительные законы по регулированию всеобщей воинской обязанности будут составлены и представлены кабинету министров рейха министром обороны». (Примеч. авт.)

Вечером на Вильгельмплац собралась огромная толпа и славил Гитлера до тех пор, пока он не появился в окне с приветствием. Сегодняшнее решение строить армию на основе всеобщей воинской повинности, открыто поправ Версальские договоренности, значительно усилило его позиции внутри страны, потому что мало найдется немцев, – независимо от того, насколько они ненавидят нацистов, – которые не поддержат его от всего сердца. Громадному большинству пришлось по душе, как он «натянул нос» Версалю, на который все были сильно обижены, и, будучи в душе милитаристами, они приветствовали возрождение армии.

Это страшный удар по союзникам – Франции, Великобритании, Италии, которые выиграли войну и заключили мир, чтобы уничтожить военную мощь Германии и не дать ей подняться. Что предпримут Лондон и Париж? Они могли бы начать «превентивную» войну, и это был бы конец Гитлера. Здешние поляки говорят, что Пилсудский проявляет желание помочь. Но первая реакция сегодня вечером, по крайней мере по сообщению нашего парижского офиса, – все против этого. Посмотрим.

Иду спать, устал и тошнит от этого фашистского триумфа, но с профессиональной точки зрения я доволен, что освещаю великие исторические события. Дош уходит, значит, вся эта работа ложится на меня.

Берлин, 17 марта

Первый абзац моего сегодняшнего вечернего сообщения подводит итоги этого экстраординарного дня: «День отдания почестей героям в память о двух миллионах немцев – жертвах войны, отмеченный сегодня среди декораций, равных которым не было с 1914 года, как день возрождения германской военной мощи, принес нам мирные заверения пополам с вызовом». Основная церемония состоялась на Штаатсопер в полдень и прошла со всей красочностью, на которую способны нацисты. На первом этаже Оперного театра море униформ и удивительно много старых армейских офицеров, которые за ночь, должно быть, стряхнули пыль со своих выпцветших мундиров и начистили до блеска причудливые довоенные остроконечные каски, которые теперь мозолят глаза. Мощное освещение сцены было направлено на взвод солдат рейхсвера, застывших подобно мраморным статуям с развевающимися военными знаменами. Над ними на безбрежном занавесе висел громадный серебряно-черный железный крест. Соответствующая атмосфера возникла тотчас же, как только оркестр заиграл «Похоронный марш» Бетховена, – трогательная вещь, такая, что тронет каждую немецкую душу. Гитлер со своими приспешниками сидел в королевской ложе, но сам не выступал. За него говорил генерал Бломберг, хотя мне показалось, что он произносил слова, несомненно написанные фюрером. Вот что сказал Бломберг: «Миру придется признать, что Германия не погибла от поражения в мировой войне. Германия вновь займет достойное место среди других наций. Мы присягаем Германии, которая никогда не уступит и никогда вновь не подпишет какого-либо договора, который не может быть выполнен. Нам не нужен реванш, потому что мы достаточно прославили себя в веках». После одобрительного взгляда Гитлера генерал продолжил: «Мы не хотим быть втянутыми в новую мировую войну. Европа стала слишком мала для того, чтобы стать полем битвы в еще одной мировой войне. Так как все государства имеют в своем распоряжении равные средства для ведения войны, будущая война означала бы только самоуничтожение для всех. Мы хотим мира с равными правами и безопасностью для всех. Мы не стремимся к большему».

Разумные слова, и они предназначены для того, чтобы успокоить не только немецкий народ, который, конечно, не хочет войны, но и французский и британский также. Что касается французов, то слово «безопасность» витает на набережной Де-Орсе. Сбоку от Гитлера сидел фельдмаршал фон Макензен, единственный выживший фельдмаршал старой армии. Старик напялил на себя форму гусара из «Мертвой головы». Я заметил также присутствие кронпринца Вильгельма, хотя Гитлер и не позаботился пригласить его в свою ложу. Из послов был только Додд; британский, французский, итальянский и русский послы блистали своим отсутствием. Не показался даже японский. Додд чувствовал себя довольно неловко.

После оперной «службы» Гитлер провел смотр контингента войск. Не обошлось и без батальона летчиков в небесно-голубой форме, которые вышагивали, как ветераны, коими, несомненно, и были, – но об этом никто не должен был догадываться.

Думаю, ничего не стоят те два воззвания, появившиеся вчера и перечитанные мною в воскресных утренних газетах. Они впечатлили меня, даже более чем когда-либо, умением Гитлера представить свою судьбоносную миссию в наиболее выгодном свете своему собственному народу и в то же время создать впечатление во внешнем мире, что он не просто имеет основания делать то, что делает, но что он человек глобального масштаба. Чего стоит, например, официальное партийное заявление: «... С сегодняшнего дня возродилась честь германской нации. Мы стоим прямо, как свободный народ, среди других наций. Как суверенное государство мы вольны вести переговоры и предлагаем сотрудничество в деле обеспечения мира»...

Или собственное воззвание Гитлера к немецкому народу. Оно начинается с истории, которую он рассказывал много раз: «Четырнадцать пунктов» Вильсона, несправедливый мирный договор, полное разоружение Германии в мире, где все прочие полностью вооружены,

повторная попытка Германии достичь соглашения с противниками и т. д. А затем: «Делая так (устанавливая обязательную воинскую повинность. – *Примеч. авт.*), мы исходим из тех же предпосылок, которые м-р Болдуин высказал так правдиво в своей последней речи: «У страны, которая не желает принимать необходимые превентивные меры для своей собственной обороны, никогда не будет никакого могущества в мире, ни морального, ни материального».

Затем для Франции: «Германия, наконец, предоставила Франции формальное подтверждение, что после урегулирования саарского вопроса она более не будет предъявлять территориальных требований Франции».

В заключение – обращение к немцам и ко всему миру: «...В этот час германское правительство повторяет немецкому народу и всему миру заверения в своей решимости никогда не выходить за рамки охраны чести немцев и свободы рейха, и тем более оно не намеревается, перевооружая германскую армию, создавать инструмент для военного нападения, а наоборот, исключительно для обороны и, следовательно, для поддержания мира. Таким образом, правительство рейха выражает уверенную надежду в том, что германскому народу, вновь обретшему свое достоинство, можно оказать честь стать равными и независимыми и внести свой вклад в упрочение свободного и открытого сотрудничества с другими государствами».

Все немцы, с которыми я сегодня разговаривал, приветствовали эти установки. Один из немцев в моем офисе (не нацист) сказал: «Мог ли мир ожидать лучшего мирного предложения?» Я признаю, что *звучит* оно хорошо, но Эббот предупреждал, что я должен быть очень большим скептиком, каковым, надеюсь, и являюсь.

Сегодня вечером говорил по телефону с нашими парижским и лондонским офисами. Они сказали, что французы и британцы все еще пытаются составить свое мнение. В Лондоне рассказали, что Гарвин в редакционной статье в «Observer» говорит, что действия Гитлера не вызвали удивления, и призывает Саймона поторопиться с визитом в Берлин. «Sunday Express» Бивербрука предостерегла от угрозы Германии силой. «Times», по сообщениям нашего офиса, займет завтра примиренческую позицию. Лично я так понимаю, что Гитлеру все сошло с рук.

Берлин, 18 марта (в офисе)

Эскадрилья бомбардировщиков Геринга только что пролетела в боевом порядке над нашей крышей – это их первое появление на публике. Строй они держали отлично.

Берлин, 26 марта

В течение последних двух недель здесь находились Саймон и Иден, которые вели переговоры с Гитлером и Нейратом, а сегодня днем эти два британских посланника приняли нас в старом обветшалом британском посольстве, чтобы рассказать... ни о чем. Саймон поразил меня своим самодовольством. Иден, который выглядел и вел себя как школьник, то спускался, то поднимался на сцену (мы были в бальном зале, где есть сцена) и подсказывал своему шефу, иногда шепотом, в тех случаях, когда наш вопрос ставил его в затруднительное положение. Единственное, что из сказанного Саймоном стоило того, чтобы поместить в отчет: они с Гитлером обнаружили несогласие практически по всем вопросам. Очевидно, по крайней мере так говорят немцы, Гитлер затеял длительную свистопляску против России и предложил вариант восточного Локарнского договора, который привлечет Россию в состав оборонительной системы на восточных границах Германии. Вильгельмштрассе почти не скрывает тот факт, что во время переговоров говорил один Гитлер, а Саймон слушал. Иден отправляется в Варшаву и Москву, Саймон – домой.

Берлин, 9 апреля

Сегодня вечером гала-прием в Опере по случаю свадьбы Геринга. Он женился на провинциальной актрисе Эмми Зонеман. Я получил приглашение, но не пошел. Люди из партии говорят, что Геббельс в ярости от расточительных показательных мероприятий своего заклятого врага, и сегодняшнее – лишь одно из них, и что он сказал прессе, что она может комментировать его саркастически. Думаю, немногие редакторы осмелятся.

Берлин, 11 апреля

Д-р С., успешный еврейский юрист, который служил своей родине на фронте во время войны, сегодня неожиданно появился в наших апартаментах после нескольких месяцев, проведенных в гестаповской тюрьме Колумбия-Хаус. Тэсс была дома и сообщила мне, что он в плохом состоянии, немного не в себе, но понимает, очевидно, свое положение, потому что боится идти домой и встречаться с семьей. Тэсс подкрепила его глотком виски, приободрила и отправила домой. Его жена длительное время находилась на грани нервного истощения. Он рассказал, что против него не было выдвинуто никаких обвинений, кроме того, что он был евреем, или наполовину евреем, и одним из тех немногих адвокатов, которые предложили помощь в защите Тельмана. Многие евреи приходят к нам в эти дни за советом или просят помочь уехать в Англию или в Америку, но, к несчастью, мы мало что можем сделать для них.

Бад-Саарау, 21 апреля (Пасха)

Взял отпуск на пасхальный уик-энд. Отель заполнен в основном евреями, и мы слегка удивлены, что их здесь так много, вполне процветающих и, видимо, не напуганных. По-моему, они большие оптимисты.

Берлин, 1 мая

Сегодняшняя метель сильно подпортила большое шоу в честь Дня труда в Темпельхофе. Дош настаивал на том, чтобы отправиться туда и дать репортаж в газету, несмотря на то что плохо себя чувствовал. Гитлер не сказал ничего особенного и казался подавленным. Тысячи рабочих, маршировавших к Темпельхофу, воспользовались тем, что разыгралась непогода, выскользнули из рядов демонстрантов и направились в ближайшую пивную. Вечером на улицах было на удивление много пьяных – для Берлина это необычно. По городу ходят слухи, что британцы собираются обсуждать военно-морской договор с Гитлером, помогая ему таким образом убрать еще одно препятствие Версальского договора.

Берлин, 21 мая

Сегодня вечером Гитлер закатил еще одну грандиозную «мирную» речь в рейхстаге, и я боюсь, что она произведет впечатление большее, чем того заслуживает, особенно в Великобритании. Этот человек действительно великолепный оратор, и, выступая перед шестью сотнями, или около того, «карманных» членов рейхстага, – колбасников, бритоголовых, вырядившихся в коричневое подлипал, вскакивающих с мест и орущих всякий раз, когда Гитлер замолкает, чтобы перевести дыхание, – он, я полагаю, *убеждает* всех немцев, которые его слушают. Как бы то ни было, сегодня он находился в отличной форме, и его программа (из тринадцати пунктов) действительно убедит большинство людей. Программа к тому же просто поразительная; очень умно составлена.

Подойдя к ней, Гитлер воскликнул: «Немцам нужен мир... Немцы хотят мира... Никто из нас не собирается никому угрожать». По поводу Австрии: «Немцы не собираются и не хотят вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или устраивать аншлюс»⁷.

После этого он начал излагать свою программу из тринадцати пунктов.

1. Германия не может вернуться в Женеву до тех пор, пока Версальский договор и статьи о Лиге Наций не будут разделены.

2. Германия будет уважать все условия Версальского договора, включая территориальные.

3. Германия будет добросовестно поддерживать любой договор, подписанный ею добровольно. В частности, она будет поддерживать и выполнять все обязательства, вытекающие из Локарнских договоренностей... Что касается демилитаризованной зоны, то германское правительство рассматривает ее существование как вклад в умиротворение Европы...

4. Германия готова сотрудничать в коллективной системе обеспечения мира в Европе...

5. Навязывание односторонних условий не может способствовать сотрудничеству. Необходимы поэтапные переговоры.

6. Германское правительство в принципе готово заключить пакты о ненападении со всеми своими соседями и дополнить эти пакты всеми условиями, направленными на изоляцию зачинщика войны и изоляцию зоны военных действий.

7. Германское правительство готово дополнить Локарнские договоренности соглашением по военно-воздушным силам.

8. Германия готова ограничить на основе паритета с отдельными крупными державами Запада вооружение в воздушном пространстве, а также тоннаж военно-морского флота до 35 процентов британского флота.

9. Германия выражает желание объявить вне закона оружие и приемы ведения войны, которые противоречат Женевской конвенции Международного Красного Креста. В данном случае германское правительство имеет в виду все виды оружия, которые несут смерть не столько воюющим солдатам, сколько невоюющим женщинам и детям. Оно считает, что можно запретить некоторые виды оружия как противоречащие международному закону и объявить вне закона те государства, которые до сих пор их используют. Например, можно было бы ввести запрет на сбрасывание газовых, зажигательных и фугасных бомб за пределами зоны реальных боевых действий. Это ограничение можно затем довести до полного запрета любых бомбардировок.

10. Германия желает уничтожения самых тяжелых видов оружия, особенно тяжелой артиллерии и тяжелых танков.

⁷ Аншлюс, т. е. присоединение Австрии к Германии, был провозглашен в марте 1938 г. (Примеч. перев.)

11. Германия примет любые ограничения, касающиеся калибра артиллерии, размера военных кораблей и водоизмещения подводных лодок, или даже пойдет на полный запрет на использование подводных лодок, если будут достигнуты соответствующие соглашения.

12. Необходимо принять какие-то меры, запрещающие безответственным элементам отравлять общественное мнение в других государствах устно или письменно, а также посредством театра или кино.

13. Германия готова в любое время подписать международное соглашение, которое будет эффективно предотвращать все попытки вмешательства извне в дела других государств.

Что может быть приятнее и разумнее, если у него действительно были такие намерения? Гитлер говорил почти до десяти часов. Он выступал спокойно и уверенно. Дипломатическая ложа была заполнена: послы Франции, Британии, Италии, Японии и Польши сидели в первом ряду. Додд в третьем – обычный нацистский дипломатический знак невнимания к Америке, как мне кажется. Напишу несколько тысяч слов, а затем в постель, устал и слегка озадачен этой речью. Сегодня в «Таверне» некоторые британские и французские корреспонденты высказывались в том духе, что она сможет в конце концов проложить путь к миру на несколько лет.

Берлин, 3 июня

Мы опять переезжаем, на этот раз к Темпельхофу, наша квартира-студия на Тауэнцинштрассе, которая располагалась прямо под крышей, оказалась очень жаркой. Теперь сняли апартаменты капитана Кёля, немецкого аса времен мировой войны и первого человека, перелетевшего (вместе с двумя друзьями) Атлантику с востока на запад. Он и его жена, симпатичная, темноволосая женщина, – друзья семьи Ника. Кёль один из немногих немцев, имеющих достаточно мужества, чтобы не подчиняться Герингу и нацистам. В результате он абсолютно не у дел и даже потерял работу в «Люфтганзе». Ярый католик и человек с сильным характером, он предпочел уехать на свою маленькую ферму в Южной Германии, а не заискивать перед нацистами. Один из очень немногих. Я проникся к нему большой симпатией.

Берлин, 7 июня

Телеграф принес новость: Болдуин сменил Макдональда на посту премьер-министра. Никто не будет лить слез по Макдональду, который предал британское лейбористское движение, а в последние пять лет превратился в глупого и тщеславного человека. Риббентроп ведет в Лондоне переговоры по поводу военно-морского соглашения, которое позволит Германии иметь флот тоннажем, составляющим 35 процентов тоннажа британского флота. Здесь нацисты говорят, что оно, считай, у них в кармане.

Берлин, 18 июня

Оно действительно у них в кармане, подписано сегодня в Лондоне. На Вильгельмштрассе совсем приободрились. Германия получает тоннаж подводных лодок, равный британскому. Почему британцы согласились на это – уму непостижимо. Германские субмарины едва не победили их в прошлой войне и смогут победить в будущей. Завершили день в «Таверне», как и многие другие вечера. «Таверну», итальянский ресторан, содержит Вилли Леман, крупный, грубовато-добродушный немец, в котором нет ничего итальянского, вместе со своей женой, стройной застенчивой бельгийкой. Этот ресторан стал здесь клубом британских и американских корреспондентов, и он помогает нам сохранять нормальную психику, дает возможность встретиться в неформальной обстановке и поговорить о своих профессиональных делах – без чего долго не протянет ни один зарубежный корреспондент. У нас был постоянно зарезервированный столик в углу зала, и примерно с десяти вечера до трех или четырех утра он, как правило, не пустовал. Во главе стола обычно сидел Норман Эббот. Посасывая ночь напролет старую трубку, он беседует и спорит, делится опытом, так как уже давно находится здесь и имеет контакты в правительстве, партии, церкви и армии, у него блестящий ум. Недавно он пожаловался мне по секрету, что «Times» печатает не все, что он отправляет, что там не хотят слышать чересчур много плохого о нацистской Германии и что газету, очевидно, захватили сторонники нацистов в Лондоне. Он этим обескуражен и поговаривает о том, чтобы бросить работу. Рядом с ним сидит миссис Холмс, женщина с крючковатым носом и, несомненно, большим интеллектом. Однако она так глотает слова, что я с трудом понимаю, что она говорит. Другими завсегдатаями являются: Эд Битти из UP⁸, круглолицый, похожий на Черчилля, с живым умом и огромным запасом забавных историй и песенок; Фред Экснер из UP с женой Дороти, он скучный тип, но способный корреспондент, она привлекательная блондинка с кипучим нравом и низким грубоватым голосом; Пьер Гасс из INS⁹, прилизанный, вежливый, амбициозный, он в лучших отношениях с фашистами, чем другие; Гвидо Эндерис из нью-йоркской «Times», ему за шестьдесят, но он неизменно щеголяет в ярком костюме гонщика и в красном галстуке, фашизм заботит его меньше всего, этот человек отличился тем, что продолжал работать здесь даже после того, как мы вступили в войну; Эл Росс, его помощник, неуклюжий, ленивый, медлительный и милый; Уолли Дьюэл из чикагской «Daily News», молодой, тихий, старательный, необыкновенно интеллигентный; его жена Мэри Дьюэл, во многом похожая на мужа, с большими прелестными глазами; они очень сильно влюблены друг в друга; Зигрид Шульц из чикагской «Tribune», единственная женщина-корреспондент нашего ранга, веселая, жизнерадостная и всегда хорошо информированная; и Отто Толишус, который хотя и не глава здешнего бюро нью-йоркской «Times», но является хорошей подпоркой для своего шефа, сложный, глубокий, серьезный человек, обладающий прекрасным свойством докапываться до сути вещей. Часто присутствует Марта Додд, дочь посла, привлекательная, жизнерадостная, большая спорщица. Изредка приходят два американских корреспондента – Луис Лохнер из AP и Джон Эллиот из нью-йоркской «Herald Tribune». Джон очень способный и знающий корреспондент, трезвенник, не курит и страстный, как и все мы, книголюб.

⁸ UP, United Press – в те годы крупнейшее информационное агентство США. (Примеч. перев.)

⁹ INS, International News Service – информационное агентство США, в 1958 г. объединилось с UP, образовало агентство UPI. (Примеч. перев.)

Нью-Йорк, 9 сентября

Я дома на кратких каникулах, Нью-Йорк выглядит просто здорово, но я нахожу, что большинство хороших людей чересчур оптимистичны по поводу событий в Европе. Здесь у всех, я вижу, есть позитивные сведения и оценки.

Нью-Йорк, 16 сентября

Уик-энд с Николасом Рузвельтом на Лонг-Айленде. Не видел его с тех пор, как он был советником в Будапеште. Он слишком озабочен «диктатурой» (как он это называл) Франклина Рузвельта, чтобы обстоятельно обсуждать европейские дела. Кажется, был сильно возмущен тем, что «новый курс» Рузвельта не позволит ему выращивать картофель в собственном огороде, и начал обсуждать этот вопрос в деталях, но я, признаюсь, не следил за его рассуждениями. Я продолжал думать об Эфиопии и возможной войне. Хотя человек он очень умный. Нанес приятный визит, хотя и очень краткий, моей семье. Мама, несмотря на ее возраст и недавнюю болезнь, выглядит довольно бодро. Офис настаивает на моем немедленном возвращении в Берлин из-за положения в Абиссинии. Дош едет в Рим, а я принимаю бюро.

Берлин, 4 октября

Муссолини начал захват Абиссинии. Согласно итальянскому коммюнике, войска дуче пересекли вчера ее границу, «чтобы предотвратить надвигающуюся из Эфиопии угрозу». На Вильгельмштрассе в восторге. Муссолини либо столкнется с трудностями и увязнет в Африке так, что его позиция в Европе сильно ослабнет, а Гитлер в это время захватит Австрию, находившуюся до того под защитой дуче, либо он победит, бросив вызов Франции и Британии, и после этого созреет для союза с Гитлером против западных демократий. Гитлер выиграет в любом случае. Лига Наций устроила жалкий спектакль, и ее нынешний провал, после маньчжурского разгрома, действительно ослабляет ее. В Женеве говорят о *санкциях*. Это последняя надежда.

Берлин, 30 декабря

Додд созвал нас сегодня на беседу с Уильямом Филлипсом, помощником государственного секретаря, который находится здесь с визитом. Мы спросили его, какие действия предпримет Вашингтон, если нацисты начнут нас высылать. Он дал честный ответ, сказав: «Никаких». Мы считали, что если бы на Вильгельмштрассе знали, что за каждого высланного американского корреспондента Америка выдворит одного немецкого журналиста, то, возможно, нацисты дважды бы подумали прежде, чем действовать против нас. Но помощник госсекретаря заявил, что у государственного департамента нет закона, по которому он может действовать в таких случаях, – прекрасный пример слабости нашей демократии.

Берлин, 4 января 1936 года

Вечерние газеты, особенно «Borsen Zeitung» и «Angriff», очень злы на Рузвельта за высказанное им осуждение диктатур и агрессии, что было направлено, очевидно, главным образом против Муссолини, хотя Рузвельт имел в виду и Берлин. Кстати, я забыл записать: Х. из «Borsen Zeitung» не будет казнен. Смертный приговор заменен пожизненным заключением. Его преступление: он случайно увидел, что кое-кто из нас получает копии секретных приказов, которые Геббельс ежедневно отдает прессе. Они делали чтение газет приятным, так как запрещали печатать правду и заменяли ее ложью. Как я слышал, его выдал польский дипломат, парень, которому я никогда не доверял. Немцы, если они не читают иностранных газет (у лондонской «Times» здесь сейчас огромный тираж), совершенно отрезаны от событий во внешнем мире, и, естественно, им ничего не рассказывают о том, что происходит за пределами их собственной страны. До недавних пор они штурмовали газетные киоски, чтобы купить «Baseler Nachrichten», газету немецкоязычных швейцарцев, в Германии она расходилась в большем количестве, чем в Швейцарии. Но теперь эта газета запрещена.

Берлин, 23 января

Неприятный день. Утром меня разбудил телефонный звонок, – я работал допоздна и поздно уснул, звонил Вильфред Баде, фанатичный фашистский карьерист, в настоящее время отвечающий за иностранную прессу в министерстве пропаганды. «Вы были недавно в Гармише?» – начал он. Я ответил: «Нет». Потом он стал орать: «Я знаю, что вы не были там, и тем не менее вы без зазрения совести сочинили фальшивку о притеснении местных евреев...» – «Минуту, – сказал я, – вы не можете называть меня бессовестным...», но он повесил трубку.

В полдень Тэсс включила радио, чтобы послушать новости, и как раз вовремя, потому что мы слышали, как разносят именно меня, называя грязным евреем и обвиняя в том, что я пытаюсь торпедировать зимние Олимпийские игры в Гармише (они начинаются через несколько дней) с помощью фальшивок о тамошних евреях и фашистах. Когда после завтрака я добрался до офиса, первые страницы дневных газет были полны обычных для нацистов истеричных обвинений против меня. Немцы, работавшие в офисе, предполагали, что гестапо может прийти за мной в любую минуту. Я действительно некоторое время назад написал серию корреспонденций о том, как нацисты убрали в Гармише все таблички с надписями «Евреи нежелательны» (их можно увидеть сейчас по всей Германии) и поэтому олимпийские гости будут ограждены от каких-либо знаков подобного обращения с евреями в этой стране. Я отметил также, что нацистские чиновники прибрали все хорошие отели для себя и поселили прессу в неудобных пансионах, что было правдой.

С каждой новой газетой, которую курьер приносил днем в офис, я все больше заводился. Большинство позвонивших мне друзей советовали не обращать внимания и говорили, что если я полезу в драку, то меня вышлют. Но в статьях было столько преувеличений и клеветы, что я уже не мог себя контролировать. Я позвонил в офис Баде и потребовал встречи с ним. Его не было на месте. Я продолжал звонить. Наконец секретарь сказал, что его нет и он едва ли придет. Около девяти вечера я уже не мог себя сдерживать. Я отправился в министерство пропаганды, прошмыгнул мимо охраны и ворвался в офис Баде. Как я и предполагал, он был там и сидел за своим столом. Я без приглашения сел напротив и, пока он не пришел в себя от удивления, потребовал извинения и признания ошибки в германской прессе и по радио. Он начал орать на меня. Я заорал в ответ, хотя от волнения не помню, что говорил, и речь, вероятно, была бессвязной. Наш крик, видимо, встревожил пару лакеев, потому что они открыли дверь и заглянули в кабинет. Баде приказал им закрыть дверь, и мы снова пошли друг на друга. Он стал колотить по столу. Я в ответ. Дверь поспешно открылась, и вошел один из лакеев, якобы предложить шефу сигареты. Я закурил свою. Еще дважды на наш стук заходил лакей, один раз опять с сигаретами, другой – с графином воды. Но я начинал понимать, что ничего не добьюсь, что никто, и меньше всего Баде, не обладает такой властью или просто порядочностью, чтобы внести даже самое маленькое исправление в механизм нацистской пропаганды, который уже запущен, какую бы великую ложь он ни символизировал. В конце концов он успокоился, стал даже слащавым. Заявил, что они решили не высылать меня, как планировали вначале. Я снова возмутился и пригрозил, мол, пусть попробуют выслать, но он не отреагировал, и я ушел. Боюсь, чересчур взвинченным.

Гармиш-Партенкирхен, февраль

Антракт оказался более приятным, чем я ожидал. С восхода до полуночи у нас с Тэсс уйма напряженной работы по освещению Олимпийских игр. Вокруг много эсэсовцев и военных, но пейзаж Баварских Альп, особенно на восходе и закате, великолепен, горный воздух опьяняет, румяные девушки в лыжных костюмах в основном весьма привлекательны, сами игры захватывают, главным образом опасные прыжки на лыжах с трамплина, гонки на санях (тоже очень опасные, иногда воспринимаются как вызов смерти), хоккейные матчи и фигуристка Соня Хейни. А в общем-то нацисты проделали великолепную пропагандистскую работу. Они произвели огромное впечатление на иностранных гостей тем, с каким размахом и как гладко провели эти игры, а также понравились своими хорошими манерами, которые нам, приехавшим из Берлина, конечно, казались наигранными. Меня это так насторожило, что я устроил завтрак для нескольких наших бизнесменов и пригласил Дугласа Миллера, торгового атташе в Берлине и наиболее информированного относительно ситуации в Германии человека в нашем посольстве, чтобы он немного просветил их. Но получилось так, что они рассказывали *ему*, как обстоят дела, а Дагу едва удавалось вставить слово. Забавно находиться здесь с Пеглером, острый и злой язык которого находит тут возможность хорошо порезвиться. У него, Галлико и у меня постоянно происходили стычки с эсэсовскими охранниками, которые всегда перекрывали стадион, когда на нем присутствовал Гитлер, и пытались нас не пропустить. Большинство корреспондентов обидела статья в «*Volkische Beobachter*», процитировавшая Берчелла из нью-йоркской «*Times*». Он написал в том духе, что на этих играх нет ничего милитаристского и что журналисты, которые утверждают обратное, ошибаются. Пегга это особенно возмутило. Сегодня вечером он казался немного встревоженным, боялся, что гестапо арестует его за правдивые корреспонденции, но я так не думаю. «Олимпийский дух» будет царить в течение двух недель, или даже дольше, а к тому времени Пег уже будет в Италии. Мы с Тэсс много общались с Галлико. Он сейчас на распутье. Добровольно бросил работу самого высокооплачиваемого спортивного журналиста в Нью-Йорке, распрощался со спортом и собирается поселиться в английской деревушке, чтобы проверить, сможет ли он прожить как писатель на вольных хлебах. Мало у кого хватит пороку на это. Завтра возвращаюсь в Берлин, чтобы снова впрячься в работу и освещать политические дела нацистов. Тэсс собирается в Тироль – немного отдохнуть от фашистов и покататься на лыжах.

Берлин, 25 февраля

Узнаю, что в первых числах месяца лорд Лондондерри находился здесь и встречался с Гитлером, Герингом и многими другими. Он всей душой поддерживает нацистов. Боюсь, что ничего хорошего его визит не принес.

Берлин, 28 февраля

Национальное собрание Франции значительным большинством голосов одобрило договор с Советами. Сильное негодование на Вильгельмштрассе. Фред Экснер рассказал, что, когда они с Роем Ховардом видели позавчера Гитлера, тот был чем-то сильно озабочен.

Берлин, 5 марта

В партийных кругах говорят, что Гитлер созывает рейхстаг 13 марта, в день, когда ожидается одобрение советско-французского договора сенатом. Атмосфера на Вильгельм-штрассе сегодня неприятная, но в чем причина – понять трудно.

Берлин, 6 марта, полночь

Это был день самых невероятных слухов. Одно вполне определено: завтра в полдень Гитлер созывает рейхстаг, а на утро он пригласил послов Великобритании, Франции, Италии и Бельгии. Так как они представляют четыре державы, присутствовавшие в Локарно, то ясно, что Гитлер намеревается денонсировать Локарнский договор, а ведь год назад в марте он заявил, что Германия будет его «добросовестно соблюдать». Я догадываюсь также, основываясь на сегодняшних слухах, что Гитлер положит заодно конец Рейнской демилитаризованной зоне, хотя на Вильгельм-штрассе это яростно отрицают. Пошлет ли он туда рейхсвер – точно сказать нельзя. Думаю, это слишком рискованно, так как французская армия легко с ним справится. Сегодня сообщают о серьезных трениях в кабинете министров между фон Нейратом, Шахтом и генералами, которые, вероятно, советуют Гитлеру не торопиться. Один осведомитель сказал мне вечером, что Гитлер не станет посылать войска, а просто откроет всем, какие мощные полицейские силы, входящие в состав армии, он держит сейчас в Рейнской области, что фактически означает конец ее демилитаризации. По словам одного осведомителя с Вильгельмштрассе, молниеносная реакция Гитлера последует после сообщения о том, что французский сенат через день-два проголосует за пакт с Советами. Сегодня ночью в Берлине полно нацистских лидеров, спешно созванных на заседание рейхстага. Похоже, они в очень задиристом настроении. Несколько раз говорил по телефону с доктором Ашманом, пресс-секретарем министерства иностранных дел, он продолжает категорически отрицать, что германские войска войдут завтра в Рейнскую область. Это означало бы начало войны, сказал он. Написал сообщение – на всякий случай. Но завтра посмотрим.

Берлин, 7 марта

«На всякий случай» – пригодилось! Сегодня Гитлер разорвал Локарнский договор и бросил рейхсвер на оккупацию демилитаризованной Рейнской области! Немногие пессимистично настроенные дипломаты считают, что это означает начало войны. Большинство думает, что этим все и обойдется. Важен факт, что французская армия не пошевелинулась. Сегодня вечером впервые после 1870 года немецкие солдаты в сером и французские войска в голубом оказались лицом к лицу в верховьях Рейна. Но час назад я звонил в Карлсруэ, стрельбы там нет. Весь вечер я был на связи с нашим парижским офисом, передавая свои сообщения. Там сказали, что мобилизация во Франции не объявлена, по крайней мере пока, хотя кабинет министров совещается с Генеральным штабом. Лондон, как и год назад, кажется, остается в стороне. Генералы рейхсвера все еще нервничают, но не так, как утром.

Если смогу, подробно опишу сегодняшний день:

В десять часов утра Нейрат вручил послам Франции, Великобритании, Бельгии и Италии обширный меморандум. В кои-то веки нам дали шанс получить новости, потому что доктор Дикгоф, министр иностранных дел, вызвал Фрэдди Мейера, советника нашего посольства, и вручил ему копию меморандума, явно предложив передать ее американским корреспондентам, так как американское посольство редко делает что-нибудь подобное по собственной воле. Гассу надо было отправить раннее сообщение для INS, поэтому он заторопился в посольство, а я пошел на заседание рейхстага, которое начиналось в полдень в Кролл-Опера-Хаус (Государственной опере). Однако все уже было ясно из текста меморандума и со слов Нейрата, сообщившего послам, что германские войска сегодня на рассвете вошли в Рейнскую область.

В меморандуме говорится, что с подписанием франко-советского пакта Локарнский договор «утратил силу», что именно поэтому Германия больше не считает себя связанной этим договором и что по этой же причине «германское правительство с сегодняшнего дня восстанавливает полный и без всяких ограничений суверенитет рейха в Рейнской демилитаризованной зоне». Далее следует еще одна великолепная попытка Гитлера – и кто после 21 мая сможет сказать, что неудачная? – бросить пыль в глаза «миролюбивых людей» Запада, вроде Лондондерри, Асторов, лорда Лотиана, лорда Ротермера. Он предложил план «мира» из семи пунктов, направленный, как сказано в меморандуме, на то, чтобы «предупредить любые сомнения относительно его (правительства рейха) намерений и прояснить чисто оборонительный характер такой меры, а также выразить его постоянное желание истинного умиротворения Европы...». Этот план – чистейшей воды обман, и, если у меня или у американской журналистики есть хоть капля мужества, я должен так и сказать в сегодняшнем ночном сообщении. Но не уверен, что оно попадет на первую полосу.

В своем последнем «мирном плане» Гитлер выдвигает следующие предложения: подписать с Бельгией и Францией пакт о ненападении сроком на двадцать пять лет, гарантами которого выступят Великобритания и Италия; предложить Бельгии и Франции провести демилитаризацию по обе стороны их границ с Германией; подписать военно-воздушный договор; заключить пакты о ненападении со своими восточными соседями; и наконец, вернуться в Лигу Наций. О степени гитлеровской искренности можно судить по предложению провести демилитаризацию по *обе* стороны границ, то есть заставить Францию пожертвовать своей линией Мажино – последней в настоящее время защитой от нападения Германии.

Заседание рейхстага, более напряженное, чем когда-либо (вероятно, находившимся в зале депутатам еще не рассказали, что произошло, но они знали, что что-то готовится), началось ровно в полдень. Французский, британский, бельгийский и польский послы отсутствовали, но там были итальянский посол и Додд. Генерал фон Бломберг, военный министр, сидел среди членов кабинета министров с левой стороны сцены, белый как простыня, и нервно бара-

банил пальцами по спинке скамьи. Я никогда не видел его в таком состоянии. Гитлер начал с длинного разглагольствования, с которым выступал и прежде, при этом не уставая повторять о несправедливости Версальского договора и миролюбии немцев. Когда он стал изливать свой гнев на большевизм, его голос, до того низкий и грубый, поднялся до пронзительного истерического крика.

«Я не позволю этой ужасной, полной ненависти международной коммунистической диктатуре обрушиться на немецкий народ! Это деструктивное азиатское мировоззрение рушит все ценности! Мне становится страшно за Европу при мысли, что с ней произойдет, если эта разрушительная азиатская концепция жизни, этот хаос большевистской революции окажутся успешными» (бешеные аплодисменты).

Затем, более спокойным голосом, он доказывал, что французское соглашение с Россией обесценило Локарнский договор. Небольшая пауза – и эффектное заключение:

«Германия больше не считает себя связанной Локарнскими договоренностями. В интересах элементарнейших прав своего народа на безопасность границ и обеспечение своей обороны германское правительство с сегодняшнего дня восстановило абсолютный и неограниченный суверенитет рейха в демилитаризованной зоне!»

После этого шестьсот депутатов, все эти назначенные лично Гитлером мелкие людишки с большими телесами и мощными шеями, коротко стриженные, с мешкообразными животами, в коричневой форме и тяжелых ботинках, маленькие глиняные человечки, послушные в его руках, вскакивают как автоматы, вытягивают правую руку в нацистском приветствии и орут «Хайль!», первые два-три раза – нестройными голосами, а следующие двадцать пять – в унисон, как клич в колледже. Гитлер поднимает руку, прося тишины. Она устанавливается не сразу. Люди-автоматы медленно садятся. Теперь они у него в когтях. Кажется, он это понимает. Он произносит низким звучным голосом: «Мужчины германского рейхстага!» Тишина абсолютная.

«В этот исторический час, когда в западных землях рейха германские войска маршируют в свои будущие мирные гарнизоны, все мы объединяемся, чтобы дать две священные клятвы».

Ему не дают продолжить. Для истеричной толпы «парламентариев» это новость, что немецкие солдаты уже движутся в Рейнскую область. Весь милитаризм их германской крови ударяет им в голову. С громкими воплями они вскакивают на ноги. То же самое делают зрители на галерке, все, кроме нескольких дипломатов и нас, пятидесяти корреспондентов. Их руки подняты в рабском приветствии, лица искажены истерией, без конца орущие рты широко раскрыты, они не могут оторвать горящих фанатизмом глаз от своего нового бога, Мессии. Мессия же играет свою роль потрясающе. Он склоняет голову, само воплощение скромности, и спокойно ждет тишины. Затем по-прежнему тихим, но полным эмоций голосом он произносит две клятвы:

«Первое, мы клянемся, что бы ни случилось, не жалеть сил на восстановление чести нашего народа, предпочитая умереть с честью в жестоких лишениях, чем капитулировать. Во-вторых, мы торжественно обещаем, что сейчас, более чем когда-либо, мы будем прилагать усилия для достижения понимания между народами Европы, особенно с соседними западными государствами... У нас нет территориальных претензий в Европе!.. Германия никогда не нарушит мир».

Прошло много времени, прежде чем затихли аплодисменты. Внизу в холле депутаты все еще находились под магическими чарами, изливая свои чувства друг другу. Несколько генералов направились к выходу. За их улыбками, однако, нельзя было не заметить нервозности. Мы подождали у здания Оперы, пока не уехал Гитлер вместе с другими важными персонами, тогда эсэсовская охрана пропустила нас. С Джоном Эллиотом прошли по Тиргартену до «Адлона» и перекусили там. Мы были слишком ошеломлены, чтобы много говорить.

На 29 марта назначены «выборы», «для того чтобы германский народ смог дать оценку моему руководству», как сформулировал это Гитлер. Результат, конечно, предreshен заранее, но сегодня вечером объявили, что завтра Гитлер начинает серию предвыборных выступлений.

В своей сегодняшней речи он по-умному постарался успокоить Польшу. Вот его слова: «Я хочу, чтобы народ Германии понял, что, хотя это для нас и болезненно, доступ к морю с территории Германии, население которой составляет тридцать пять миллионов человек, будет отрезан. Вместе с тем неразумно отказывать в нем другой великой нации».

После завтрака, чтобы собраться с мыслями, я прогулялся по Тиргартену. Около Скагераплац наткнулся на генерала фон Бломберга, прогуливавшего двух собак на поводке. Его лицо все еще было бледным, щеки дергались. «Что-то не так?» – подумал я про себя. Потом направился в офис и всю вторую половину дня усиленно трудился, прерывался только на то, чтобы передать по телефону свой материал в Париж, когда набиралось три-четыре сотни слов. Вспомнил, что сегодня суббота, когда пришла телеграмма из Нью-Йорка с требованием прислать материал пораньше, чтобы он попал в утренние воскресные газеты. Суббота – удачный день для Гитлера: очищение крови, призыв на военную службу, вот и сегодня – все субботние дела.

Ночью, когда закончил работу, наблюдал за окном кабинета, выходящим на Вильгельмштрассе, бесконечные колонны штурмовых отрядов, марширующих в факельном шествии вниз мимо рейхсканцелярии. Послал Германа посмотреть. Он сообщил по телефону, что Гитлер приветствует их с балкона, рядом с ним Штрайхер (непонятно, с какой стати). Власти объявляют, что факельные шествия продлятся всю ночь.

Несколько раз звонил наш корреспондент из Кёльна, чтобы рассказать, как идет оккупация. По его словам, немецким войскам устроили повсюду сумасшедший прием, женщины усыпали их путь цветами. Он говорит, что на аэродроме в Дюссельдорфе и на нескольких других летных полях приземлились немецкие бомбардировщики и истребители. Сколько всего войск отправила сегодня Германия в Рейнскую область, никто не знает. Вечером Франсуа Понсе (французский посол) рассказал моему знакомому, что министерство иностранных дел Германии трижды обманывало его в течение этого дня. Сначала немцы объявили, что направили 2000 человек, позже – что 9500 человек и «тринадцать артиллерийских расчетов». По моей информации, они отправили туда четыре дивизии – около 50 000 человек.

Итак, исчезает последняя опора мира в Европе – Локарно. Этот договор Германия подписала добровольно, это не был *диктат*, и Гитлер не раз торжественно клялся уважать его. Ночью в «Таверне» один французский корреспондент подбадривал нас, категорически утверждая, что французская армия выступит завтра, но после того, что сообщили вечером из нашего парижского офиса, я в этом сомневаюсь. Я не понимаю, почему она затаилась. Она более чем равный по силам противник для рейхсвера. И если она выступит, то Гитлеру конец. Он все поставил на успех своего шага и не переживет унижения, если Франция оккупирует западный берег Рейна. В «Таверне» большинство сидевших вокруг нашего столика были с этим согласны. Много пива, две тарелки спагетти до трех утра, а потом – домой. Надо встать вовремя, чтобы присутствовать в Опере еще на одном торжестве Дня памяти героев. Оно будет даже грандиознее, чем в прошлом году, если только французы...

Берлин, 8 марта

Гитлеру удалось остаться безнаказанным. Франция не направляет свои войска. Вместо этого она взывает к Лиге Наций! Неудивительно, что Гитлер, Геринг, Бломберг и Фрич имели такой сияющий вид, когда сидели днем в королевской ложе Государственной оперы и второй раз за эти два года отмечали на самый что ни на есть милитаристский манер День памяти героев, хотя, по идее, обязаны чтить память двух миллионов немцев, убитых в последнюю войну.

О, глупость (или паралич) французов! Сегодня я узнал из абсолютно достоверного источника, что германские войска, которые вчера маршем вошли в Рейнскую демилитаризованную зону, имели строгий приказ спешно отступить, если французская армия окажет какое-либо сопротивление. Они не готовы и не вооружены для того, чтобы сражаться с регулярной армией. Возможно, этим и объясняется вчерашняя бледность Бломберга. Очевидно, Фрич (главнокомандующий рейхсвера) и большинство генералов были против такого шага, но Бломберг, который слепо доверял фюреру и его решению, уговорил их. Возможно, что Фрич, не любивший ни Гитлера, ни фашистский режим, согласился выступить, надеясь, что провал операции будет концом для самого Гитлера, а если она окажется успешной, то будет решена одна из его важнейших военных проблем.

Сегодня еще одна странная история. Французское посольство сообщает (и я ему верю), что несколько дней назад Понсе нанес визит Гитлеру и попросил представить условия франко-германского сближения. Фюрер попросил у него несколько дней на то, чтобы обдумать предложение. Послу показалось это вполне разумным, но его удивило, что Гитлер настаивал на том, чтобы ни слова об этом визите не дошло до общественности. Теперь он уже не удивляется. Если бы мир узнал, что Франция, фактически еще не ратифицировавшая договор с Россией, проявляет желание вести с немцами переговоры, то это помешало бы Гитлеру оправдываться, что, мол, Франция сама виновата в том, что он нарушил Локарнский договор.

Мемориальные торжества в Опере проходили сегодня днем на фоне Вагнера (влияние музыки Вагнера на нацизм, на Гитлера никогда не понимали за границей). Залитая огнями сцена была заполнена солдатами в стальных касках с военными знаменами в руках, за ними – неувядаемый громадный серебряно-черный железный крест. Нижний ярус и балконы пестрели униформами старой имперской армии и остроконечными шлемами. Гитлер гордо восседал в имперской ложе в окружении германских военных руководителей, как бывших, так и нынешних. Среди них были: фельдмаршал фон Макензен – в гусарской форме дивизии «Мертвая голова», Геринг – в ослепительной ало-голубой форме генерала ВВС, генерал фон Зеэкт – создатель рейхсвера, генерал фон Фрич – его нынешний руководитель, адмирал фон Рёдер – шеф быстрорастущего военно-морского флота и генерал фон Краусц – в форме старой австро-венгерской армии и с огромными бакенбардами а-ля Франц Иосиф. Отсутствовал один лишь Людендорф, который отверг примирение со своим бывшим капралом и не принял предложения стать фельдмаршалом. Не было и кронпринца.

Генерал фон Бломберг зачитал обращение – странную смесь блефа, демонстративного вызова и прославления милитаризма. «Мы не хотим наступательных действий, – сказал он, – но не боимся оборонительной войны». Хотя если не в Париже и в Лондоне, то здесь всем известно, что он боится и что вчера был в ужасе оттого, что, возможно, ее придется вести. Бломберг, видимо по приказу Гитлера, изо всех сил старался самым недостойным для военного человека способом заглушить слухи о несогласии генералов рейхсвера с оккупацией Рейнской области и их слабой симпатии к нацизму. Я даже заметил, как поморщился Фрич, когда его шеф разоблачал «распространяемые во внешнем мире сплетни об отношениях между партией и армией». Генерал особо подчеркнул: «Мы, армейские, – национал-социалисты. Ныне партия

и армия ближе друг к другу». Далее он объяснил почему. «Национал-социалистская революция вместо уничтожения старой армии, как это делали всегда другие революции, воссоздала ее. Национал-социалистское государство предоставляет в наше распоряжение всю свою экономическую мощь, свой народ, всех юношей». А затем взгляд в будущее: «На наших плечах лежит огромная ответственность. И она становится все тяжелее, потому что *перед нами могут встать новые задачи*».

Пока Бломберг говорил, Геббельс усердно работал осветительной лампой и кинокамерой, направляя их сначала на сцену, затем на ложу, в которой сидел вождь. После «торжественной службы» – обычный военный парад, но с меня было достаточно, я проголодался и направился в отличный винный погребок Хабеля на Линден, там позавтракал и выпил «Дай-десгеймера».

Позднее. Вечером у Дош-Флеро оказался интересный материал из Рейнской области, где он наблюдал германскую оккупацию. Он сообщает, что католические священники встречали германские войска на мостах через Рейн и благословляли их. В Кёльнском кафедральном соборе кардинал Шульте возносил хвалу Гитлеру за «*возвращение нашей армии*». Быстро же забылось, как нацисты преследуют церковь. Дош говорит, что сегодня ночью рейнское вино льется рекой.

А французы взывают к Женеве! Я позвонил в наш лондонский офис, чтобы узнать, что собираются делать англичане. Они посмеялись и зачитали мне несколько выдержек из воскресных газет. «Sunday Observer» Гарвина и «Sunday Dispatch» Ротермера в восторге от такого шага Гитлера. Британцы заняты сейчас сдерживанием французов! Здесь в министерстве иностранных дел, которое работает всю ночь, чтобы наблюдать реакцию Лондона и Парижа, приподнятое настроение. Ничего удивительного!

Карлсруэ, 13 марта

Сегодня вечером здесь, в пределах досягаемости артиллерией, стоящей на линии Мажино, Гитлер произнес свою первую «предвыборную» речь. Весь день курсировали специальные поезда из близлежащих городов, подвозя правоверных и тех, кому приказали прибыть. Митинг собрали под громадным шатром, и атмосфера была настолько удушающая, что я вернулся в отель, где под хороший обед и бутылку вина, с большинством других корреспондентов прослушал речь по радио. В ней не было ничего нового, хотя он красиво говорил про свое желание дружить с Францией. Конечно, жители берегов Рейна не хотят еще одной войны с Францией, но этот повторный захват германскими войсками привил им нацистскую заразу. Они так же истеричны, как и все остальные немцы. Позднее отправился в винный погребок с таксистом, который возил меня весь день, и у него было немного шнапса. Он оказался коммунистом, резко настроенным против фашистов, и предсказывал их скорый крах. Для меня было облегчением встретить здесь хоть одного немца, выступающего против фашистского режима. Он говорит, что здесь таких много, но, говоря по правде, я сомневаюсь.

29 марта

Для так называемых выборов выдался прекрасный для ранней весны день, и, по данным Геббельса, девяносто пять процентов населения Германии одобрили повторную оккупацию Рейнской области. Несколько корреспондентов, побывавших сегодня на избирательных пунктах, сообщили о нарушениях. Но я не сомневаюсь, что значительное большинство людей приветствовали переворот на Рейне, независимо от того, наци они или нет. Правда и то, что немногие отважились проголосовать против Гитлера из страха быть разоблаченными. Вечером узнал, что в Нёйкёльне и Веддинге, бывших цитаделях коммунистов в Берлине, голоса «против» составили до 20 процентов и что тамошние жители собираются в ближайшие несколько дней опротестовать результаты.

Вчера над нашим офисом величаво проплыл новый цеппелин, который получит название «Гинденбург». На днях я прошелся к Фридрихсхафен, чтобы осмотреть поле и это чудо германского инженерного гения на нем. Вчера цеппелин проводил предвыборную агитацию, разбрасывая листовки, призывающие простой народ голосовать «за». Д-р Гуго Экенер, который готовит цеппелин к первому полету в Бразилию, энергично возражал против его запуска в эти выходные, обосновывая это тем, что испытания еще не закончены, но д-р Геббельс настаивал. Экенер, не сторонник режима, отказался сам поднимать аэростат, но разрешил сделать это капитану Леману. Другой *доктор*, говорят, взревел от бешенства и постановил все-таки заставить Экенера.

Берлин, апрель (без даты)

Сегодня забавный ланч у Додда. Почетным гостем был Экенер, который вскоре отбывает в Америку, чтобы попросить лично у Рузвельта необходимый для новых баллонов гелий (на родине его, кажется, не очень-то поддерживают). Он рассказывал про Геббельса, к которому не испытывает ничего, кроме презрения, один анекдот за другим. Кто-то спросил его о голосовании на «Гинденбурге», проходившем в воздухе. «Геббельс установил новый рекорд, – выпалил он в ответ. – На «Гинденбурге» находилось сорок человек. Насчитали сорок два бюллетеня «за». Геббельс запретил прессе упоминать имя Экенера.

Берлин, 2 мая

Сегодня итальянцы вошли в Аддис-Абебу. Негус¹⁰ сбежал. Муссолини одержал победу – главным образом, с помощью горчичного газа. Именно так он победил эфиопов. Он также одержал победу над Лигой Наций – путем обмана. Именно так он избежал санкций за поставку нефти, которые могли бы его остановить. Мы поймали по радио его приветствия с балкона палаццо Венеция в Риме. Куча вздора о трехсотлетней истории, римской цивилизации и победе над варварством. Чьим варварством?

¹⁰ Титул императора в Эфиопии до упразднения монархии (март 1975 г.). (Примеч. перев.)

Рагуза (латинское название Дубровника), Югославия, 18 июня

Славно проводим отпуск в Далмации. Здесь есть всё: море, солнце, горы, цветы, хорошее вино, хорошая еда, симпатичные люди. С нами отдыхают Никербокеры, которые приехали из Аддис-Абебы. Агнес должна родить через несколько месяцев. У Ника полно фантастических историй о том, как ссорились и дрались корреспонденты в Аддис-Абебе, как умер и был похоронен там несчастный Билл Барбур из чикагской «Tribune», как бомбили Дессе, какие кошмарные публичные дома в Джибути, где полно прокаженных, и тому подобные. Днем мы бездельничали, купались, болтали и читали, вечером спускались в старый порт, чтобы выпить, поесть и потанцевать. Я дочитал «Волшебную гору» Томаса Манна, потрясающий роман, и сборник чеховских пьес, которые очень люблю, как и короткие его рассказы.

Рагуза, 20 июня

Сегодня жуткая паника. Пока мы с Ником и Агнес завтракали на террасе отеля, который расположен на берегу примерно в полумиле от города, Тэсс отправилась в город сделать несколько фотографий. Вдруг появилась пара армейских бомбардировщиков и начала выделывать акробатические номера над Рагузой. Странное занятие, поскольку они были слишком тяжелыми для выполнения фигур высшего пилотажа. Потом один из них пошел в глубокое пике прямо над центром города. Агнес отвела взгляд. Самолет не смог полностью выйти из пике и, похоже, развалился в воздухе на части прямо над крышами домов. После этого произошел взрыв и возникло пламя. Я подумал о Тэсс. Пламя поднималось как раз рядом с кафедральным собором. Именно там она собиралась снимать. На мне были только шорты, рубашка и пляжные сандалии. Должно быть, я рванулся автоматически. Бегом бросился по дороге в город. Что-то подсказывало мне, что она там. Когда я подбежал к маленькой площади перед кафедральным собором, несколько домов были в огне. Полицейские выносили на носилках накрытые простынями тела. Я начал заглядывать под простыни, потом взял себя в руки. С трудом пробивался сквозь людские пробки, забившие улицы. Никаких признаков Тэсс. Стал требовать мэра, губернатора, кого-нибудь, кто мог мне что-нибудь рассказать. В конце концов кто-то толкнул меня локтем: «Отойди, я хочу снять это». Тэсс смотрела на меня, прищурившись, сквозь свою «лейку». Закончив съемку, она рассказала, что была на расстоянии сотни ярдов от того места, где разбился самолет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.